

Роберт Алексеевич
НОРМАТОВ

Кто формирует
наше представление
о реальности,
откуда берётся право
одних определять истину
для других, и что происходит,
когда факты начинают
противоречить этой картине?

TERRA CONSPIRA

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ НАМ НЕ РАССКАЗЫВАЮТ

Роберт Норматов

TERRA CONSPIRA

<https://litres.ru/74559104>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто решает, что человечество должно считать правдой?

История цивилизации кажется нам последовательной и понятной: древние люди постепенно освоили земледелие, построили первые города, создали государства, религии и письменность. Но что происходит, когда факты начинают плохо укладываться в эту картину?

TERRA CONSPIRA отправляется туда, где официальные объяснения сталкиваются с неудобными вопросами. От раннего христианства и имперской власти - к шумерским текстам, древним богам, мегалитам Баальбека, Пумапунку, Египта и загадкам исчезнувших знаний.

Здесь нет готового ответа и не предлагается верить в очередную теорию заговора. Есть документы, археологические объекты, древние тексты, научные гипотезы и вопросы, на которые до сих пор нет окончательного ответа.

Кто формирует наше представление о прошлом? Что действительно было утрачено, скрыто или забыто? И что произойдёт, если однажды привычная картина истории окажется неполной?

Мы не за тех и не за этих. Мы за откровенный вопрос.

Роберт Норматов

TERRA CONSPIRA

ПРОЛОГ

О чём эта книга — и где её границы

Есть разговоры, которые заканчиваются прежде, чем начинаются. Не потому что собеседники не хотят говорить, а потому что есть слово, которое убивает разговор быстрее, чем оно успевает прозвучать до конца.

Произнесите его вслух — и смотрите, что произойдёт. Собеседник замолчит. Или усмехнётся. Или переведёт разговор на другое. Или, если он человек вежливый, скажет что-нибудь вроде: «Ну, это уже конспирология». И тема закрыта. Не потому что вам возразили — потому что вам не возражали вовсе. Вам просто дали понять, что возражать не нужно.

Это слово — «конспирология». И с него начинается эта книга.

Но начну я не с определения. Определения дают в первой главе, и они там будут. Начну я с одного конкретного случая, который произошёл со мной несколько лет назад и который

до сих пор кажется мне точной иллюстрацией того, о чём эта книга.

Я разговаривал с человеком, которого уважаю. Умным, образованным, с широким кругозором. Мы говорили о чём-то, связанном с политикой — не помню точно, с чего именно начался разговор, помню только, как он закончился. Я задал вопрос, который показался мне тогда и кажется сейчас совершенно нормальным. Что-то вроде: почему это решение было принято именно так, а не иначе, и кому это могло быть выгодно.

Человек — умный, образованный, с широким кругозором — посмотрел на меня и сказал: «Ты что, конспиролог?»

Не «ты ошибаешься». Не «это объясняется проще». Не «давай разберём твои аргументы». А именно это: «Ты что, конспиролог?»

Я тогда не нашёлся, что ответить. Не потому что не было ответа, а потому что вопрос был устроен так, что любой ответ делал положение хуже. Сказать «нет» — значит признать, что вопрос был неуместен. Сказать «да» — значит принять ярлык со всем его содержимым. Промолчать — значит согласиться с тем, что вопрос был неправильный.

Именно так работает этот ярлык. Он не отвечает на вопрос — он его отменяет.

Эта книга — попытка вернуть вопросы к жизни.

Она не о том, что все заговоры реальны. Большинство конспирологических теорий не выдерживают проверки — и в книге будет показано, какие именно и почему. Она не о том, что все официальные версии ложны. Многие официальные версии точны — и в книге будет показано, какие именно и в чём.

Она о другом. Она о том, что между «всё это конспирологический бред» и «всё так и есть, как говорят конспирологи» существует огромное интеллектуальное пространство, в котором живут самые важные вопросы о природе власти, о природе знания и о природе истории. И это пространство — не место для ярлыков. Это место для разговора.

Я не собираюсь убеждать вас в существовании тайного мирового правительства. Но я не собираюсь убеждать вас и в обратном — что власти всегда говорят правду, корпорации действуют в интересах общества, а все совпадения в политической истории действительно случайны.

Что я собираюсь сделать — так это пройти вместе с вами

по сложному материалу и не соврать. Ни в одну сторону, ни в другую.

Есть три вещи, которые эта книга сделает. И одна, которой она не делает.

Первое. Она покажет, что реальное сокрытие существует. Не как гипотеза, а как задокументированный факт. Программа МК-Ультра, сокрытие данных о вреде табака, операция «Скрепка», ложа П2 — это не домыслы, а подтверждённые случаи. Игнорировать их — значит проявлять не критическое мышление, а ровно противоположное.

Второе. Она покажет, что официальная хронология человеческой цивилизации неполна. Не потому что её кто-то злонамеренно сфальсифицировал, а потому что накопленный массив физических и текстологических аномалий в неё не укладывается. Пумапунку, Баальбек, Серапеум, Гёбекли-Тепе — это измеренные факты, а не мистика. И если они не объясняются стандартной моделью, это проблема модели, а не факта.

Третье. Она покажет, что конспирологическое мышление — не болезнь маргинального сознания, а рациональная, хотя часто ошибающаяся в деталях реакция на реальный опыт институционального обмана. Человек, который не доверя-

ет правительству после Уотергейта, демонстрирует не паранойю, а здравый смысл.

Чего она не сделает — не даст готовых ответов. Ни в пользу официальной версии, ни в пользу альтернативных. Потому что готовые ответы — это то, чем нас кормят с обеих сторон, и именно от них эта книга и пытается уйти.

У этой книги есть имя.

TERRA CONSPIRA — «земля заговора». Двойное значение этого латинского словосочетания кажется мне точным. С одной стороны — это планета, на которой заговоры действительно случаются, где власть действительно скрывает неудобное, где знания действительно исчезают. С другой — это территория разговора о заговорах, поле, на котором ярлык «конспиролог» выполняет ту же функцию, что и любое другое табу: отменяет возможность честного вопроса.

Эта книга — попытка пройти по этой территории без карты, которую выдали бы мне заранее. И без той, которую я должен был бы выдать вам от себя.

Я не знаю, куда мы в итоге придём. Но я знаю, что мы пойдём туда вместе и что нам будет по пути интересно.

Начнём.

Роберт Норматов
2026

Роберт Алексеевич
НОРМАТОВ

TERRA CONSPIRA

ОТ АВТОРА

О правилах этой книги

Эта книга написана по правилам, которые стоит объяснить заранее. Не потому что читатель не разберётся сам, а потому что эти правила отличаются от тех, к которым нас приучили обе стороны публичного разговора.

Обычно читателю предлагают один из двух форматов. Первый: «вот научный консенсус, всё остальное — маргинальные фантазии». Второй: «вот правда, которую от вас скрывают, а официальная наука лжёт». Оба формата удобны. Первый снимает с читателя необходимость думать — достаточно сверить утверждение с позицией большинства. Второй снимает необходимость проверять — достаточно объявить

источник нечестным.

Оба формата — формы отказа от мышления. Эта книга построена на противоположном принципе.

Правило первое: разграничение статусов.

В книге вы постоянно будете встречать пометки, которые я старался держать там, где это существенно. Доказано. Вероятно. Спорно. Не установлено. Гипотеза. Разница между этими категориями — не академическая формальность. Это то, что отличает честный разговор от пропаганды с любой стороны.

Доказано — подтверждено первичными документами, независимыми измерениями или официальными признаниями. Например: программа МК-Ультра существовала. Программа «Скрепка» скрывала нацистское прошлое части переправленных специалистов. Ложа П2 реально проникла в государственные институты Италии.

Вероятно — опирается на весомую совокупность косвенных данных, которую было бы нерационально игнорировать, но прямого подтверждения нет. Например: современные элитные форумы оказывают существенное влияние на формирование общественного нарратива. Институциональ-

ные интересы систематически влияют на то, какие гипотезы получают финансирование.

Спорно — идёт содержательный научный спор между сторонами, располагающими сопоставимыми по качеству аргументами. Например: датировка Сфинкса. Происхождение структуры Йонагуни.

Не установлено — ни подтвердить, ни опровергнуть при нынешнем состоянии данных. Например: существование единой координирующей структуры над элитными сетями. Содержание того, что тамплиеры искали под Храмовой горой.

Гипотеза — обоснованное предположение, ожидающее проверки. Например: существование более ранней протоцивилизации, погибшей в конце ледникового периода.

Если вы видите в книге утверждение без пометки — это не значит, что оно абсолютно верно. Это значит, что я счёл его достаточно установленным, чтобы не повторять оговорку каждый раз.

Правило второе: симметрия скептицизма.

Одинаковая строгость к официальным и альтернативным

версиям. Это не позиция вежливости, а методологическое требование. Если я критикую Ситчина за избирательное чтение текстов, я обязан критиковать и академическую ассириологию, когда она уходит от неудобных вопросов. Если я требую от альтернативных гипотез проверяемых предсказаний, я обязан требовать того же от официальных версий, которые тоже иногда оказываются нефальсифицируемыми.

Симметрия — не значит «обе стороны правы». Она значит «обе стороны проверяются по одним и тем же правилам».

Правило третье: разграничение уровней доказанности сокрытия.

Разговор о замалчивании неудобных фактов легко скатывается в одну из двух крайностей: «всё скрывают» или «ничего не скрывают». В книге я держу четыре уровня:

Первый: доказанное сокрытие, подтверждённое документами. МК-Ультра, операция «Скрепка», табачная индустрия, Purdue Pharma, ложа П2.

Второй: институциональные интересы, объясняющие поведение институтов без предположения о злом умысле. Закрытость Ватиканского архива. Академическая парадигма

как механизм маргинализации неудобных данных. Государственные нарративы, противоречащие точности.

Третий: системные эффекты без единого центра. Безнаказанность организаторов сокрытия. Совпадение интересов власти, монополии на знание и экономической монополии в устойчивые системы.

Четвёртый: гипотеза координации — существует ли единая структура над всеми уровнями. Прямых доказательств нет. Возможность не исключена.

Разница между уровнями — не риторическая. Она определяет и то, как мы говорим, и то, какие способы действия это делает возможными.

Правило четвёртое: чего эта книга не делает.

Она не даёт готовых ответов. Не указывает, во что верить. Не объявляет победителя там, где сами данные его не объявляют.

Она не пытается «разоблачить» официальную науку и не пытается «защитить» её от альтернативных версий. Она не убеждает читателя в существовании тайного мирового правительства и не убеждает в обратном.

Она не обещает, что в конце читатель узнает «правду». Она обещает, что в конце читатель будет лучше понимать разницу между теми вопросами, на которые у нас есть ответы, и теми, на которые — нет.

Правило пятое: откуда взялась эта книга.

Несколько лет назад я начал собирать материал по темам, которые интересовали меня давно: тайные общества, мегалитические памятники, история религиозных институтов, современные механизмы формирования общественного мнения. Сначала это были отдельные заметки. Потом — попытка систематизировать. Потом — понять, что темы, которые казались разными, связаны друг с другом общим вопросом: как знание становится властью и что происходит, когда монополия на знание оспаривается.

Книга, которую вы держите в руках, — результат этой работы. Она не является ни академической монографией, ни популярной публицистикой в чистом виде. Она находится между этими форматами — как и многие темы, которых она касается.

Что в ней есть, кроме аргумента, — это позиция автора. Я не скрываю своих взглядов. Но я старался, чтобы они не

подменяли собой доказательства.

Правило шестое: чего я прошу у читателя.

Двух вещей.

Первое: не принимать ничего на веру. Ни мои утверждения, ни утверждения тех, кого я цитирую, ни утверждения тех, кого я критикую. Книга построена так, чтобы её можно было проверять. Если вы встретите утверждение без ссылки, где ссылка нужна, — это моя недоработка, и вы имеете право её отметить.

Второе: не отказываться от разговора. Ярлык «конспиролог» работает именно потому, что им удобно пользоваться. Им можно закрыть любую тему, не разбирая по существу. Я прошу вас — хотя бы в рамках этой книги — не пользоваться им и не позволять пользоваться им против вас. Задавайте вопросы, даже неудобные. Требуйте ответов, даже если ответы заранее неприятны.

Если после прочтения этой книги вы будете задавать больше вопросов, чем до неё, — значит она достигла своей цели.

Роберт Норматов
2026

ГЛАВА 1

КОНСПИРОЛОГИЯ: СЛОВО, КОТОРОЕ УБИВАЕТ РАЗГОВОР

«Важно не переставать задавать вопросы. У любопытства есть свои причины для существования.»

— Альберт Эйнштейн

«Самая опасная мысль — та, которую человеку запретили проверить.»

— из мыслей автора, написанных в стол

Слово, которое стало ярлыком

Существуют слова, которые убивают разговор. «Конспирология» — одно из таких в современном мире. Стоит произнести это слово — и серьёзный настрой беседы вмиг улетучивается. Оно работает как выключатель: щёлк — и тема закрыта, не успев открыться. Именно это делает его таким удобным инструментом для тех, кто не хочет, чтобы какие-то темы вообще обсуждались. Не для всех, кто его использует, — далеко не для всех. Но для тех, кому широкое значение ярлыка выгодно, — да, и это стоит признать прямо.

Но давайте для начала разберёмся, что это слово означает в буквальном смысле, без эмоций и без заранее заготовленных выводов.

«Конспирология» происходит от латинского *conspiratio*, которое восходит к *con-* («вместе») и *spirare* («дышать») и означает «согласие, единодушие», а в политическом контексте — «тайный сговор, заговор». *Logos* по-гречески, как известно, — слово, учение, наука. Получается, конспирология в дословном переводе — это учение о тайных сговорах, или, если угодно, наука о заговорах. Звучит не так уж безумно, правда? История человечества буквально кишит тайными сговорами, которые впоследствии становились достоянием общественности. Заговор против Юлия Цезаря, Пороховой заговор в Англии, операция «Гладио» в послевоенной Европе, проект МК-Ultra в США — всё это не выдумки параноиков, а подтверждённая документами история.

Так когда же слово «конспирология» превратилось из нейтрального термина в диагноз?

Здесь начинается интересное. Исследователи, в частности американский историк Кэтрин Олмстед в книге «Настоящие враги: заговоры против американцев», прослеживают превращение термина «теория заговора» в мощный инструмент дискредитации начиная с 1960-х годов. После убийства Джо-

на Кеннеди в 1963 году официальная версия событий вызвала такую волну сомнений, что властям потребовался инструмент для дискредитации несогласных. Удобнее всего оказалось навесить на скептиков ярлык «конспирологов» — людей, оторванных от реальности и склонных видеть заговор там, где его нет. Этот приём работает до сих пор, причём блестяще. Достаточно назвать человека конспирологом, и необходимость отвечать на его вопросы по существу автоматически отпадает. Не нужно разбирать аргументы, не нужно предъявлять контрдоказательства. Ярлык сделал своё дело.

Конкретная институциональная история этого инструмента заслуживает отдельного упоминания - без него картина была бы неполной. Речь идёт о меморандуме ЦРУ № 1035-960 от 1 апреля 1967 года, в котором Центральное разведывательное управление давало своим зарубежным резидентурам инструкции по противодействию волне скептицизма вокруг доклада Комиссии Уоррена об убийстве Кеннеди. В документе рекомендовалось использовать термин «conspiracy theorists» применительно к критикам официальной версии, привлекать к этой работе журналистов и академических авторов, представлять скептиков как людей психологически неустойчивых и склонных к иррациональному мышлению. Здесь, однако, необходима точность, которая часто теряется в популярных пересказах: само словосочетание встречается в печати по меньшей мере с 1964 года, то есть

почти за три года до меморандума. Верным будет сказать не то, что ЦРУ изобрело термин, а то, что в 1967 году оно использовало его как часть конкретной информационной операции по противодействию критикам доклада Комиссии Уоррена.

Но вот парадокс: чем активнее используется этот приём, тем меньше ему доверяют. Люди замечают закономерность. Когда любое сомнение в официальной версии событий — будь то пандемия, война, экономический кризис или политическое убийство — немедленно объявляется конспирологией, у думающего человека возникает закономерный вопрос: а не слишком ли широко трактуется этот термин? И не слишком ли выгодна эта широкая трактовка определённым людям и структурам?

Именно с этого вопроса и начинается настоящий разговор о конспирологии. Не с осмеяния и не с безоговорочного принятия, а с попытки разобраться: где заканчивается обоснованный скептицизм и начинается патологическая подозрительность? И есть ли вообще эта граница, или её тоже кто-то придумал?

Эта книга не ставит целью убедить читателя в том, что миром правит тайный орден рептилоидов. Но она также не собирается убеждать его в том, что власти всегда говорят прав-

ду, корпорации действуют исключительно в интересах общества, а все совпадения в политической истории действительно случайны. Цель скромнее и честнее: посмотреть на явление конспирологии без снисхождения и без истерики, попытаться понять его природу, его историю, его внутреннюю логику. И в конце концов ответить на вопрос, который мало кто решается задать вслух: а вдруг они правы? Хотя бы отчасти?

Анатомия заговора: как устроена конспирологическая теория?

Прежде чем двигаться дальше, стоит разобраться, из чего вообще соткана типичная конспирологическая теория. Что у неё внутри, как она работает, почему она убеждает одних и вызывает смех у других. Это важно, потому что без понимания механики невозможно отделить обоснованные теории от фантастических. А такое разделение, как выяснится позже, далеко не всегда очевидно.

Любая конспирологическая теория строится на нескольких базовых элементах. Первый из них — тайный агент. Кто-то, кто действует скрытно, преследует собственные цели и не намерен раскрывать свои намерения публике. Это может быть конкретный человек, группа людей, организация, государство или некая надгосударственная структура. Без тайного агента теории нет — есть просто стечение обстоятельств.

Второй элемент — умысел. Тайный агент не просто существует, он действует целенаправленно. У него есть план, и этот план реализуется последовательно, шаг за шагом. Именно умысел отличает конспирологическую теорию от обычной версии событий: конспиролог никогда не верит в случайность, за каждым событием он ищет руку, которая это событие организовала.

Третий элемент — сокрытие. Тайный агент не только действует, но и замечает следы. Официальная версия событий существует для того, чтобы скрыть реальную картину. Средства массовой информации, государственные институты, научное сообщество — все они либо участники заговора, либо его невольные инструменты.

Четвёртый элемент, и это, пожалуй, самый психологически важный, — масштаб. Конспирологические теории, как правило, объясняют события огромного исторического значения. Убийство президента, мировая война, пандемия, финансовый кризис. Чем значительнее событие, тем сильнее интуитивное ощущение, что за ним должна стоять столь же значительная причина. Психологи называют это «диспропорциональностью причины и следствия»: человеческий мозг с трудом принимает тот факт, что великие события могут иметь ничтожные причины. Что одиночка с дешёвой вин-

товкой может убить президента сверхдержавы. Что летучая мышь может запустить глобальную пандемию. Мозг ищет причину, соразмерную следствию, и если официальная версия её не даёт, он начинает искать в другом месте.

Вот здесь и кроется ключевое противоречие, с которым придётся иметь дело на протяжении всей книги. С одной стороны, описанный механизм действительно может порождать иллюзорные теории, основанные не на фактах, а на психологической потребности во вразумительном объяснении мира. С другой стороны, этот же механизм иногда приводит к совершенно верным выводам. Потому что великие события действительно иногда имеют великие, тщательно скрытые причины. И люди, которых называли конспирологами, иногда оказывались правы.

Один из самых показательных примеров — история с табачными компаниями. Десятилетиями учёные и журналисты утверждали, что крупные производители сигарет знают о канцерогенности своей продукции, но намеренно скрывают эту информацию, финансируют лояльные исследования и подкупают политиков. Их называли конспирологами. Потом внутренние документы компаний попали в открытый доступ через судебные иски, и выяснилось: всё именно так и было. Заговор существовал, он был задокументирован, и его последствия затронули миллионы жизней. Здесь важно уточ-

нение, без которого картина может быть прочитана неверно: речь идёт не о конспирологах в общем смысле, а о конкретной проверяемой версии, выдвинутой журналистами и исследователями, работавшими с документами и свидетельскими показаниями. Такая версия принципиально отличается от конспирологии в строгом смысле, поскольку опирается на проверяемые источники и допускает опровержение. Но факт остаётся фактом: то, что десятилетиями объявлялось конспирологией, оказалось правдой.

Или история с программой ЦРУ МК-Ultra, о которой уже упоминалось. Программа тайного контроля над сознанием с использованием психотропных веществ, гипноза и психологических пыток. Когда первые сведения о ней появились в прессе в 1970-х годах, реакция официальных структур была предсказуемой: конспирология, паранойя, домыслы. Пока в 1977 году в ходе слушаний в Конгрессе не выяснилось, что программа была реальной и работала с начала 1950-х годов. Часть документов к тому моменту была уже уничтожена — по прямому указанию директора ЦРУ, предвидевшего разоблачение.

Иран-контрас — ещё один пример того же ряда. В середине 1980-х годов сообщения о том, что администрация Рейгана тайно продаёт оружие Ирану — стране, находившейся под официальным эмбарго, — а вырученные средства направ-

ляет никарагуанским повстанцам в обход прямого запрета Конгресса, звучали как сюжет шпионского романа. Слушания 1987 года и последующее расследование независимого прокурора подтвердили: схема существовала, санкционировалась на самом высоком уровне и сознательно скрывалась от законодательной власти на протяжении нескольких лет.

Таких примеров история знает немало, и к ним мы ещё вернёмся в отдельной главе. Пока важно зафиксировать одно: конспирологическая теория — это не обязательно ложь. Это версия событий, альтернативная официальной, построенная на предположении о тайном умысле. Иногда она фантастична и не подкреплена ничем, кроме воображения автора. Иногда попадает в точку. И задача думающего человека состоит не в том, чтобы огульно отвергать или принимать подобные версии, а в том, чтобы уметь их анализировать.

Здесь, впрочем, необходима оговорка, без которой весь предыдущий абзац может быть прочитан превратно. Подтверждается не жанр, а конкретная проверяемая версия. Из того, что история с табаком оказалась правдой, не следует, что любая версия, объявленная конспирологической, со временем подтвердится. Значительная часть конспирологических построений остаётся недоказанной и после появления новых данных: теории о рептилоидах, о плоской Земле, о тотальной фальсификации лунной программы — каждая из

них опровергнута независимыми наблюдениями и документами. Точно так же не подтвердились многие ранние версии о происхождении COVID-19, не выдержавшие проверки по мере накопления эпидемиологических данных. Подтверждается не жанр, а конкретная проверяемая версия, и именно это различие имеет значение.

Но для того чтобы различать одно от другого, нужен инструментарий. Нужно понимать не только структуру конспирологической теории, но и её разновидности. Потому что конспирология, как выяснится, далеко не однородна. Под этим словом скрывается целый спектр явлений — от вполне рациональных до откровенно патологических. И между ними огромная дистанция.

Типология: какие бывают конспирологические теории?

Если попытаться систематизировать всё многообразие конспирологических теорий, которые существуют сегодня и существовали в прошлом, обнаружится интересная картина. Они не похожи друг на друга так же, как не похожи друг на друга, скажем, детективный роман и научная фантастика. Формально оба жанра читаемы и пользуются успехом у публики, но внутри всё устроено по-разному. С конспирологией та же история. Исследователи предлагают разные классификации, но для наших целей удобнее всего разделить тео-

рии по нескольким параметрам: по масштабу, по характеру предполагаемого заговора и по степени верифицируемости — то есть по тому, насколько теорию в принципе возможно проверить.

По масштабу.

Первый и самый очевидный критерий — масштаб предполагаемого заговора. Здесь теории распадаются на три большие группы.

Локальные теории касаются конкретного события или конкретной группы людей. Кто на самом деле убил Кеннеди? Что произошло в Розуэлле в 1947 году — официальная версия говорит о крушении аэростата проекта «Могол», сторонники НЛО-версии её отвергают? Почему самолёт рейса МН17 оказался над зоной боевых действий? Подобные теории, как правило, имеют чёткие границы: есть конкретное событие, конкретные подозреваемые, конкретные вопросы, на которые официальная версия не даёт удовлетворительных ответов. Именно этот тип теорий наиболее близок к обычному журналистскому расследованию. Разница часто лишь в том, кто проводит расследование и каков его институциональный статус.

Системные теории охватывают более широкое поле. Речь

идёт уже не об одном событии, а о целой системе событий, объединённых общим умыслом. Например, существует теория, согласно которой фармацевтические компании намеренно блокируют разработку дешёвых лекарств. Другая утверждает, что нефтяные корпорации десятилетиями саботируют переход на возобновляемую энергетику. Третья — что мировые СМИ координируют подачу информации в интересах определённых финансовых групп. Подобные теории труднее опровергнуть и тяжелее подтвердить, поскольку речь идёт о системных процессах, а не о единичных фактах. Некоторые из них, впрочем, опираются на вполне задокументированные данные — как в случае с табачными компаниями или с климатическим скептицизмом нефтяной отрасли.

Глобальные теории — это уже совсем другой уровень. Здесь предполагается существование некоей силы или группы сил, управляющих историческими процессами в планетарном масштабе. Тайное мировое правительство. Финансовая элита, стремящаяся к установлению нового мирового порядка. Структуры, контролирующие одновременно политику, экономику, культуру и науку большинства государств. Именно этот тип теорий чаще всего становится объектом насмешек, и именно он, как ни странно, имеет наибольшее количество косвенных подтверждений в виде задокументированных фактов о реально существующих надгосударствен-

ных структурах влияния. К этому парадоксу мы вернёмся позже.

По характеру предполагаемого заговора.

Второй критерий классификации — природа тех, кто стоит за заговором. И здесь диапазон оказывается неожиданно широким.

Политические теории предполагают, что за событиями стоят конкретные государственные или политические структуры. Спецслужбы, правительства, политические партии. Это наиболее «приземлённый» вариант конспирологии, поскольку существование подобных структур и их способность к тайным операциям давно и неопровержимо задокументированы. ЦРУ действительно организовывало государственные перевороты — в Иране в 1953 году, в Гватемале в 1954-м, в Чили в 1973-м. Спецслужбы, включая британскую МИ-6, проводили тайные операции, в том числе с элементами дезинформации. КГБ финансировал некоторые западные левые и коммунистические движения. Это не конспирология, это история.

Финансово-элитарные теории указывают на транснациональные финансовые структуры и связанные с ними элиты. Бильдербергский клуб, Трёхсторонняя комиссия, Давос-

ский форум, семейства Ротшильдов и Рокфеллеров. Здесь важно сразу оговориться: существование всех перечисленных структур не является тайной, они работают открыто, их участники известны, их встречи фиксируются. Тайной остаётся лишь то, что именно на этих встречах обсуждается и какие решения принимаются. Это принципиальное различие: теория становится конспирологической не тогда, когда она говорит о существовании элитных клубов, а тогда, когда она приписывает им конкретные тайные действия без достаточных доказательств.

Религиозно-мистические теории вводят в уравнение силы иного порядка: тайные общества с оккультной повесткой, сатанинские культы во власти, масонские ложи, управляющие государствами через ритуалы и символику. Эти теории наиболее уязвимы с точки зрения доказательной базы, однако и здесь не всё так однозначно. История масонства, розенкрейцерства и других тайных обществ реальна и хорошо документирована. Реально и их влияние на политику в определённые исторические периоды. Вопрос лишь в том, насколько оно сохранилось до наших дней и в каких формах.

Наконец, теории внечеловеческого происхождения. Здесь речь идёт о силах, которые в принципе выходят за рамки человеческой истории: инопланетные цивилизации, управляющие развитием человечества; рептилоиды в человеческом

обличье во главе мировых правительств; допотопные цивилизации, чьи потомки до сих пор контролируют ход событий. Именно этот сегмент чаще всего становится объектом насмешек, и именно он наиболее далёк от верифицируемости. Хотя, как выяснится в одной из следующих глав, некоторые древние тексты и археологические свидетельства содержат аномалии, интерпретация которых остаётся предметом дискуссий.

По степени верифицируемости.

Третий критерий, пожалуй, самый важный с аналитической точки зрения. Это степень принципиальной проверяемости теории.

Верифицируемые теории — те, которые в принципе можно проверить при наличии доступа к информации. Большинство политических конспирологических теорий попадают в эту категорию. Вопрос о том, кто стрелял в Кеннеди, теоретически разрешим, если открыть все засекреченные материалы по делу. Любопытно, что значительная часть этих материалов до сих пор засекречена, что само по себе питает конспирологические настроения.

Частично верифицируемые теории допускают проверку отдельных элементов, но не теории в целом. Существование

Бильдербергского клуба проверяемо, состав его участников известен, но содержание закрытых заседаний остаётся тайной. Можно проверить, что встречи происходят, но нельзя проверить, что именно на них решается.

Наконец, невалидируемые теории — те, которые по своей природе не допускают проверки никакими доступными методами. Классический пример — рептилоиды в человеческом обличье. Как это проверить? Никак, что, собственно, и делает подобные теории удобным объектом для критики: они неопровержимы, но и недоказуемы.

Здесь важно сделать одну оговорку, которую часто упускают из виду. Невалидируемость теории не означает автоматически её ложность. Она означает лишь, что у нас нет инструментов для её проверки в настоящий момент. История науки знает немало примеров, когда идеи, казавшиеся абсолютно ненаучными и невалидируемыми, впоследствии получали строгое доказательство. Теория дрейфа континентов Альфреда Вегенера была встречена научным сообществом в штыки и объявлена фантазией дилетанта. Сегодня её эволюционное продолжение — тектоника плит — это азбука геологии. Это не значит, что все невалидируемые теории верны. Это значит, что невалидируемость не является достаточным основанием для отказа от серьёзного рассмотрения идеи.

Стоит, впрочем, держать в уме и обратный пример, чтобы не впасть в противоположную крайность. Не всякая теория, объявленная маргинальной, в итоге оказывается верной. История псевдонауки полна версий, которые в своё время выглядели не менее убедительно, чем дрейф континентов, — от идеи о канале на Марсе, построенном разумными существами, до теории о том, что язва желудка вызывается исключительно стрессом, а не бактерией, — и обе они рассыпались при появлении качественных данных, а не при смене общественного настроения. Разница между Вегенером и авторами подобных версий не в упорстве, с которым они отстаивали идею перед лицом критики, — упорства хватало у всех, — а в том, выдерживала ли идея проверку новыми, независимо полученными данными по мере их накопления. Это и есть рабочий критерий, который стоит держать в голове при столкновении с любой неудобной версией: не то, насколько она нравится, а то, что происходит с ней, когда появляются новые факты.

Именно этим принципом мы и будем руководствоваться в этой книге. Не доверием ко всему подряд и не скептицизмом по умолчанию, а готовностью рассматривать любую идею настолько серьёзно, насколько позволяет имеющаяся доказательная база. И немного дальше — туда, куда официальная наука предпочитает не заходить.

Психология верующего: почему люди становятся конспирологами?

Присутствует соблазн объяснить конспирологическое мышление просто. Люди верят в заговоры, потому что они недостаточно образованы, потому что они психически нестабильны, потому что им не хватает критического мышления. Это удобное объяснение, поскольку оно переводит разговор из области содержания в область личных качеств носителя идеи. Зачем разбирать аргументы, если можно разобрать личность того, кто их высказывает? Проблема в том, что это объяснение не выдерживает столкновения с реальностью. Исследования последних двух десятилетий рисуют совершенно иную картину.

В 2012 году британские психологи Майкл Вуд, Карен Дуглас и Робби Саттон опубликовали исследование, посвящённое взаимосвязи между различными конспирологическими убеждениями. Исследователи показали, что люди могут одновременно поддерживать даже взаимно противоречащие друг другу теории заговора. Это указывает на то, что конспирологическое мышление может быть связано не столько с содержанием конкретной теории, сколько с более общей установкой видеть за событиями скрытое противодействие и сокрытие со стороны властей.

Так что же на самом деле толкает людей к конспирологическому мышлению?

Потребность в связном объяснении мира.

Человеческий мозг устроен таким образом, что хаос для него физиологически некомфортен. Мы — паттерн-распознающие машины: мы видим лица в облаках, слышим слова в белом шуме, находим закономерности там, где их нет. Это не дефект, это эволюционное преимущество. Предок, который видел тигра в каждой тени, выживал чаще, чем тот, кто не замечал опасности. Но та же самая склонность к поиску паттернов в условиях информационной неопределённости порождает конспирологическое мышление. Когда происходит нечто значительное и пугающее, когда официальное объяснение кажется неполным или неправдоподобным, мозг начинает искать паттерн. И если он не предлагается извне, мозг конструирует его сам.

Конспирологическая теория в этом смысле выполняет важную психологическую функцию: она даёт связное объяснение тревожной реальности. Пандемия — это не случайная вспышка зоонозного заболевания, а спланированная операция. Экономический кризис — это не результат сложного взаимодействия рыночных сил, а управляемый обвал

в интересах определённых игроков. Политическое убийство — это не акт одиночки, а устранение неудобного. В каждом случае конспирологическая версия парадоксальным образом успокаивает: если за событием стоит умысел, значит, мир управляем. Страшный, несправедливый, но управляемый. А управляемый мир менее пугающ, чем мир хаотичный, где президентов убивают случайные люди, а вирусы меняют ход истории без чьей-либо воли.

Недоверие к институтам.

Второй мощный двигатель конспирологического мышления — эрозия доверия к общественным институтам. И здесь важно быть честными: это доверие подрывается не параноиками, а самими институтами. Американцы перестали доверять правительству не потому, что начитались конспирологических сайтов. Они перестали доверять правительству после Вьетнама, Уотергейта, Ирака и оружия массового уничтожения, которого не существовало. После того как выяснилось, что Агентство национальной безопасности годами втайне собирало данные о переписке миллионов граждан — программа, о существовании которой стало известно только благодаря разоблачениям Эдварда Сноудена в 2013 году. После того как стало известно о программах тайного медицинского экспериментирования на собственных гражданах, которые проводило правительство США в середине двадца-

того века.

Европейцы перестали доверять Евросоюзу после того, как увидели: греческий народ на референдуме 2015 года проголосовал против условий кредиторов, однако впоследствии правительство Греции было вынуждено согласиться на ещё более жёсткие условия.

Граждане по всему миру перестали доверять фармацевтической индустрии после серии скандалов с сокрытием данных о побочных эффектах препаратов, после того как выяснилось, что производители опиоидных обезболивающих в США десятилетиями знали об аддиктивности своей продукции и намеренно скрывали эту информацию, что привело к гибели сотен тысяч людей.

В этом контексте конспирологическое мышление — это не патология, а рациональная адаптация к среде, в которой институты неоднократно доказали свою готовность лгать. Человек, который не доверяет правительству после Уотергейта, демонстрирует не паранойю, а здравый смысл. Проблема начинается тогда, когда это рациональное недоверие распространяется на все институты одновременно и абсолютизируется до такой степени, что любое официальное утверждение автоматически считается ложью. Тогда рациональный скептик превращается в свою противоположность —

человека, чья позиция определяется не фактами, а заранее принятым отношением к источнику.

Социальная идентичность и групповая динамика.

Третий фактор часто недооценивается, но он исключительно важен. Конспирологические сообщества — это прежде всего сообщества. Люди, разделяющие определённые теории, образуют группы с сильным чувством внутренней солидарности и чёткой границей между «своими» и «чужими». «Мы видим правду, которую они скрывают». Это мощная идентичность, и она удерживает людей внутри сообщества не хуже, чем убедительность самих теорий. Принадлежность к группе избранных, видящих больше, чем остальные, даёт чувство значимости, особенно людям, испытывающим дефицит признания в других сферах жизни.

Интернет и социальные сети радикально усилили этот эффект. Алгоритмы платформ устроены таким образом, что максимизируют вовлечённость пользователя, а максимальную вовлечённость обеспечивает контент, вызывающий сильные эмоции: возмущение, страх, праведный гнев. Конспирологический контент по своей природе генерирует именно эти эмоции, что делает его алгоритмически привлекательным. Результат: человек, однажды заинтересовавшийся одной теорией, оказывается в информационном пу-

зыре, где его со всех сторон окружает контент, эту теорию подтверждающий и развивающий. Исследователи называют это «кроличьей норой»: пользователь начинает с просмотра видео об одной теме, алгоритм предлагает следующее, чуть более радикальное, потом ещё более радикальное, и через несколько месяцев человек оказывается глубоко погружён в мировоззрение, которое ещё недавно показалось бы ему абсурдным.

Обратный эффект Даннинга–Крюгера.

Есть ещё один психологический механизм, о котором говорят редко, потому что он неудобен для обеих сторон дискуссии. Назовём его условно «обратным эффектом Даннинга–Крюгера». Термин этот — авторский, он не существует в академической литературе и вводится здесь исключительно для удобства описания. Классический эффект Даннинга–Крюгера — это когда люди с низким уровнем компетенции переоценивают свои знания, потому что у них недостаточно знаний, чтобы оценить собственное невежество. Применительно к конспирологии это часто звучит так: конспирологи не понимают, насколько мало они знают, поэтому легко принимают упрощённые объяснения.

Но есть и обратный вариант. Люди с высоким уровнем специальных знаний в конкретной области иногда приходят

к конспирологическим выводам именно потому, что знают слишком много. Вирусолог, который понимает эпидемиологию лучше среднего журналиста, задаёт вопросы, которые среднему журналисту не приходят в голову. Финансовый аналитик, который понимает механику рынков, видит в некоторых событиях паттерны, невидимые для непрофессионала, и порой интерпретирует их как признак манипуляции там, где на деле работает алгоритмическая торговля. Историк, который знает реальную историю тайных операций спецслужб, относится к официальным версиям событий иначе, чем человек, не обременённый этим знанием.

Это не значит, что эксперт всегда прав. Это значит, что связь между уровнем знаний и склонностью к конспирологическому мышлению значительно сложнее, а граница между этими понятиями значительно подвижнее, чем принято думать.

Кто такой типичный конспиролог?

Попробуем нарисовать собирательный портрет человека, склонного к конспирологическому мышлению. Получится примерно следующее: это не необразованный маргинал в подвале с коллекцией газетных вырезок. Социологические исследования рисуют иной портрет: как правило, это человек среднего или выше среднего уровня образования, ис-

пытающийся ощущение утраты контроля над собственной жизнью и над ходом событий в целом, разочарованный в традиционных политических институтах и СМИ, ищущий сообщество единомышленников и связное объяснение тревожной реальности.

Этот портрет мог бы описывать значительную часть населения любой развитой страны в начале двадцать первого века. И это, пожалуй, самое важное, что нужно понять о конспирологии как явлении: она не является маргинальным феноменом. По данным различных социологических опросов, проводившихся в США и Европе в 2010-х и 2020-х годах (например, YouGov, Gallup, Pew Research Center), от тридцати до пятидесяти процентов населения разделяют те или иные конспирологические теории — разброс зависит от страны, формулировки вопроса и конкретной темы. Это не меньшинство чудаков. Это значительная часть общества, и игнорировать её взгляды или объяснять их исключительно психическими отклонениями — значит отказываться от понимания реальности.

Любопытно и то, что сами темы конспирологических теорий довольно точно отражают реальные тревоги эпохи: во времена холодной войны доминировали версии о советских шпионах и коммунистическом проникновении, после одиннадцатого сентября — версии о причастности собственного

правительства, во время пандемии — версии о фармацевтических корпорациях и глобальных элитах. Конспирология в этом смысле является своего рода барометром коллективной тревоги, а не случайным набором фантазий.

Конспирология и власть: кому выгодно контролировать нарратив?

До сих пор мы говорили о конспирологии преимущественно снизу: о людях, которые в неё верят, об их психологии, об их мотивах. Но у любого явления есть и другая сторона. Если существуют те, кто верит в заговоры, логично предположить существование тех, кто заинтересован в управлении этим процессом. И здесь разговор становится по-настоящему интересным.

Нарратив как инструмент власти.

Контроль над информацией — это контроль над реальностью. Эту истину понимали задолго до появления современных СМИ, социальных сетей и министерств информации. Любая власть — от древних жрецов до современных правительств — строила свою легитимность в том числе на монополии на интерпретацию событий. Жрецы Амона знали волю богов, и именно это знание делало их незаменимыми. Средневековая церковь определяла, что есть истина, а что

ересь, и это определение имело вполне практические последствия для несогласных. Современные государства содержат пресс-службы, финансируют лояльные медиа и формируют повестку через десятки формальных и неформальных механизмов.

Это не конспирология. Это политология, медиаисследования, описание того, как устроена власть. Проблема не в том, что власть стремится контролировать нарратив: это её естественное и неизбежное свойство. Проблема в том, когда этот контроль становится абсолютным и когда инструментом его поддержания становится дискредитация любого альтернативного взгляда. И вот здесь термин «конспирология» приобретает совершенно новое измерение.

Как ярлык становится оружием.

Вернёмся к тому, с чего начали эту главу. Превращение термина «теория заговора» в мощный инструмент дискредитации совпало по времени с кризисом доверия к американским институтам в 1960-х годах. Это совпадение давно привлекало внимание исследователей, однако долгое время оставалось лишь косвенным наблюдением.

В начале 2010-х годов американский исследователь Лэнс ДеХейвен-Смит (Университет штата Флорида) и ряд дру-

гих академических авторов опубликовали работы, в которых анализировали рассекреченные документы ЦРУ. Среди них оказался меморандум ЦРУ № 1035-960 от 1 апреля 1967 года, о котором уже шла речь выше. Существуют, правда, и разные интерпретации этого документа, однако его общая направленность не вызывает сомнений. Иными словами, то, что сегодня кажется естественной культурной реакцией на конспирологическое мышление, имеет вполне конкретную институциональную историю. Пренебрежительное использование термина «конспиролог» — это не стихийно сложившаяся культурная норма. Это как минимум отчасти сконструированный инструмент управления общественным дискурсом, у которого есть конкретные авторы и конкретная история создания. Это не значит, что все, кто использует этот термин пренебрежительно, являются сознательными агентами влияния. Большинство из них просто воспроизводят усвоенную культурную норму, не задумываясь о её происхождении. Но незнание истории инструмента не отменяет самого инструмента.

С 1967 года сама логика этого приёма никуда не исчезла, хотя было бы слишком смело говорить о прямой преемственности между той операцией и современными информационными механизмами. То, что раньше делалось через инструктаж резидентур и статьи в дружественных изданиях, сегодня может принимать другие формы - от алгоритмической мо-

дерации социальных сетей и предупреждающих плашек до списков «источников дезинформации». Разумеется, эти инструменты возникли в совершенно ином технологическом и институциональном контексте. Но принципиальное сходство может проявляться там, где вместо ответа на неудобный вопрос используется его маркировка как недостоверного, конспирологического или недопустимого. Инструмент уже не обязательно тот же самый, но логика приёма остаётся узнаваемой: обесценить вопрос через ярлык, не отвечая на него по существу.

Управляемая конспирология.

Есть ещё один аспект отношений между властью и конспирологией, который заслуживает отдельного разговора. Речь идёт о том, что можно назвать управляемой конспирологией. Суть явления проста: иногда власти не просто отвергают конспирологические теории, но и активно их поддерживают, культивируют или даже создают с нуля. Зачем? Причин несколько.

Во-первых, конспирологическая теория, направленная против реального или потенциального противника, является удобным инструментом информационной войны. Если удастся убедить население в том, что внешний враг плетёт заговор против страны, это мощный мобилизационный ре-

сурс. История двадцатого века полна примерами намеренного конструирования образа врага-заговорщика: нацистская пропаганда о «мировом еврейском заговоре», советская пропаганда о «капиталистическом окружении», маккартистская истерия о «коммунистическом проникновении» в американские институты.

Во-вторых, конспирологический шум вокруг одних тем очень удобно скрывает реальные заговоры в других областях. Когда информационное пространство насыщено дискуссиями о рептилоидах и плоской Земле, серьёзные вопросы о реальных механизмах власти тонут в этом шуме. Исследователи называют это «конспирологическим зашумлением»: вброс максимально абсурдных теорий дискредитирует весь жанр и создаёт защитный экран вокруг тем, которые действительно неудобны.

В-третьих, документально известно, что спецслужбы некоторых государств действительно внедряли агентов и информаторов в политические и радикальные сообщества, а в отдельных операциях стремились не только наблюдать за ними, но и нарушать их деятельность, провоцировать внутренние конфликты и дискредитировать их участников. Американская программа COINTELPRO - один из наиболее подробно исследованных примеров такой практики. Однако переносить этот факт непосредственно на конспирологиче-

ские сообщества в целом было бы неправильно без конкретных документированных случаев. Здесь проходит важная граница: существование операций по внедрению и дискредитации реальных групп подтверждено, а утверждение о целенаправленном создании или радикализации именно конспирологических сообществ требует отдельного доказательства.

Четвёртая власть, которая не совсем власть.

Отдельного разговора заслуживает роль средств массовой информации в этой системе. Традиционно СМИ позиционируются как «четвёртая власть» — независимый институт, осуществляющий контроль над остальными тремя ветвями власти через информирование общества. На практике отношения между медиа и властью значительно сложнее.

Крупные медиакорпорации являются частью той же экономической системы, что и корпорации финансовые и политические. Их акционеры, рекламодатели и менеджмент имеют конкретные экономические и политические интересы. Редакционная политика формируется не в вакууме, а в контексте этих интересов. Это не значит, что журналисты получают прямые инструкции, что писать, а что нет. Это значит, что существует множество тонких механизмов, через которые определённые темы остаются за рамками мейн-

стримного дискурса: самоцензура, редакционные приоритеты, зависимость от источников, рекламное давление, корпоративная культура.

Ноам Хомский и Эдвард Херман в своей книге «Производство согласия», вышедшей в 1988 году, описали эти механизмы с академической точностью. Их модель «пропаганды» не предполагает существования тайного координационного центра, который раздаёт редакциям инструкции. Она описывает систему структурных фильтров, через которые информация проходит прежде, чем попасть к читателю, и которые обеспечивают воспроизводство определённого взгляда на реальность без какого-либо явного заговора. Система работает автоматически, потому что все её участники действуют в рамках усвоенных профессиональных и корпоративных норм.

Это принципиально важное наблюдение: между «тайным заговором» и «системой, производящей выгодный для элит нарратив» есть огромная разница. Первое требует сознательной координации и конспирации. Второе работает через структурные стимулы и культурные нормы, не нуждаясь ни в каком тайном сговоре. Результат может быть очень похожим, но механизм принципиально иной. Именно это различие станет одной из несущих опор всей книги.

Что это означает для нас?

Подводя итог этой главе, можно сформулировать несколько выводов, которые будут важны для всего дальнейшего разговора.

Первое: власть всегда стремится контролировать нарратив, и это не конспирология, а фундаментальное свойство власти как таковой. Вопрос не в том, происходит ли это, а в том, какими методами и с какими последствиями.

Второе: термин «конспирология» является не нейтральным аналитическим понятием, а политически нагруженным инструментом, история которого заслуживает изучения не менее, чем история самих конспирологических теорий.

Третье: между реальными заговорами, системными интересами элит и подлинно иллюзорными теориями существуют важные различия, которые необходимо удерживать в уме при анализе любой конкретной теории. Смещение этих категорий одинаково вредит и трезвому анализу, и здравому скептицизму.

Четвёртое и, пожалуй, самое важное: скептицизм должен быть направлен в обе стороны. Не только в сторону конспирологических теорий, но и в сторону официальных нарративов.

вов, институтов, которые их производят, и механизмов, через которые эти нарративы воспроизводятся и защищаются. Односторонний скептицизм — это не критическое мышление, а просто предвзятость, сменившая знак.

С этими инструментами в руках можно двигаться дальше — в историю, в археологию, в теологию и в политику. Туда, где вопросов значительно больше, чем ответов, и где официальные объяснения трещат по швам особенно отчётливо.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

Об истории американских конспирологических представлений: Olmsted K. S. *Real Enemies: Conspiracy Theories and American Democracy, World War I to 9/11*. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — 272 p. — ISBN 978-0-19-518353-5. [академический]

Там же. [академический]

CIA. *Countering Criticism of the Warren Report*. Dispatch 1035-960, 1 April 1967. Рассекреченный документ Центрального разведывательного управления США; опубликован в составе материалов CIA FOIA. [первичный]

Выражение «conspiracy theory» употреблялось задолго до

1964 года; поэтому датировка 1964 годом как первого известного публичного употребления некорректна. Для выражения «conspiracy theorist» один из ранних документированных примеров относится к 1 мая 1964 года: *New Statesman*, 1 May 1964, p. 694. [первичный]

Внутренние документы табачных компаний, опубликованные в ходе судебных процессов 1990-х годов: UCSF Industry Documents Library, Truth Tobacco Industry Documents. [первичный]

United States Senate. Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. Intelligence Activities and the Rights of Americans. Book II. Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. 94th Congress, 2nd Session, 1976. Материалы расследования Church Committee, включая документы и свидетельские показания. [первичный]

Keeley B. L. Of Conspiracy Theories // *The Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 96, № 3. P. 109–126. DOI: 10.2307/2564659. [академический]

Поппер К. Р. Логика научного исследования / пер. с англ.; под общ. ред. В. Н. Садовского. — М.: Республика, 2005. —

van Prooijen J.-W. Why Education Predicts Decreased Belief in Conspiracy Theories // Applied Cognitive Psychology. 2017. Vol. 31, № 1. P. 50–58. DOI: 10.1002/acp.3301. [академический]

Snowden E. Permanent Record. — New York: Metropolitan Books, 2019. — 432 p. Публикации The Guardian и The Washington Post о раскрытиях документов АНБ в июне 2013 года являются отдельными источниками и не должны смешиваться с мемуарами Сноудена. [академический]

О греческом референдуме 2015 года: официальные результаты референдума и материалы международной прессы за июль 2015 года. [первичный]

United States v. Purdue Pharma L.P. и связанные судебные материалы по делу Purdue Pharma; материалы расследований и официальных комиссий по опиоидному кризису США. [первичный]

YouGov-Cambridge Globalism Project 2020: данные международного опроса, проведённого летом 2020 года в 21 стране; Economist/YouGov Poll, 26–29 March 2022; материалы Baylor Religion Survey. Конкретные показатели зависят от

формулировки вопроса, выборки и страны. [первичный]

DeHaven-Smith L. Conspiracy Theory in America. — Austin: University of Texas Press, 2013. — 260 p. — ISBN 978-0-292-74379-3. [академический]

Herman E. S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. — New York: Pantheon Books, 1988. — xvi, 412 p. — ISBN 0-394-54926-0. [академический]

ГЛАВА 2

КАК ВОЗНИКАЕТ НЕВИДИМАЯ ВЛАСТЬ

«Первый принцип состоит в том, что вы не должны обманывать себя — а себя обмануть легче всего.»

— Ричард Фейнман

Эпоха подозрения

Если бы потребовалось выбрать одно слово, описывающее интеллектуальный климат начала двадцать первого века, хорошим кандидатом было бы слово «недоверие». Недоверие к правительствам, к корпорациям, к науке, к журналистике, к экспертам любого рода. Это недоверие не возникло из ни-

откуда, и было бы большой ошибкой объяснять его исключительно распространением интернета или активностью анонимных троллей. У него есть вполне конкретная история, вполне конкретные причины и вполне конкретные бенефициары.

Двадцатый век дал человечеству беспрецедентные случаи институционального предательства. Правительства лгали своим гражданам о войнах, которые вели их именем. Корпорации скрывали информацию об ущербе, который их продукция наносила здоровью миллионов людей. Церковь десятилетиями покрывала систематическое насилие над детьми — и это тоже часть фона, на котором вырастает современное недоверие к иерархическим структурам любого рода. Финансовые институты обрушили мировую экономику в 2008 году, после чего их руководители получили государственную помощь за счёт налогоплательщиков и продолжили выплачивать себе рекордные бонусы. Ни одного из руководителей крупнейших банков, чья политика привела к кризису, не привлекли к сколько-нибудь значимой уголовной ответственности.

На этом фоне вопрос звучит иначе. Не «почему люди перестали доверять институтам?», а «почему некоторые люди всё ещё им доверяют?».

Конспирология в её современном виде — это во многом продукт этого накопленного опыта. Она выросла не на пустом месте, а на почве реальных предательств, реальной лжи и реальной безнаказанности. Это не оправдание для любой конкретной теории: большинство из них по-прежнему не выдерживают фактической проверки. Но это необходимый контекст для понимания того, почему эти теории находят такой живой отклик у такого большого числа людей.

Есть и вторая причина сегодняшнего недоверия, отдельная от перечня институциональных провалов, — то, как радикально изменилась сама архитектура распространения информации. Интернет сделал с конспирологией примерно то же, что Гутенберг сделал с религиозной реформацией. До появления печатного станка еретические идеи распространялись медленно, с трудом и с огромным риском для их носителей. Печатный станок дал возможность тиражировать альтернативные взгляды быстро, дёшево и в обход институциональных фильтров. Результатом стала Реформация, расколовшая европейское христианство и изменившая ход истории.

Мировая сеть сделала то же самое с информацией в целом. До появления интернета контроль над нарративом принадлежал ограниченному числу институтов: крупным газетам, телевизионным сетям, издательствам, академическим

журналам. Они определяли, что является новостью, что является знанием и что является допустимым взглядом на реальность. Интернет разрушил эту монополию. Любой человек с подключением к сети получил возможность публиковать, распространять и обсуждать информацию в обход традиционных привратников.

Это имело огромные позитивные последствия: голоса, которые прежде были заглушены, получили трибуну; информация, которая прежде была засекречена или просто недоступна, стала общедоступной; независимые расследования получили новые инструменты и новую аудиторию. Но те же самые механизмы работают и в другую сторону. Дезинформация распространяется по тем же каналам, что и информация. Алгоритмы социальных сетей, оптимизированные под вовлечённость, отдают предпочтение контенту эмоциональному, а не точному. А конспирологический контент, как уже говорилось, по своей природе исключительно эмоционально заряжен.

Результатом стал своеобразный парадокс: человечество никогда не имело доступа к такому количеству информации, и никогда прежде ориентироваться в этой информации не было так сложно. Избыток информации при дефиците инструментов её верификации создаёт идеальную среду для распространения конспирологических теорий. Не пото-

му что люди глупее, чем прежде, а потому что задача стала объективно сложнее.

Но было бы упрощением сводить современную конспирологию только к психологии и алгоритмам. У неё есть конкретное содержание, конкретные темы и конкретные действующие лица. И некоторые из них заслуживают самого пристального внимания — не в качестве курьёза, а в качестве симптома реальных процессов, происходящих в глобальной политике и экономике.

QAnon: анатомия цифрового апокалипсиса

В октябре 2017 года на анонимном имиджборде 4chan появились первые публикации некоего «Q», представившегося инсайдером с высоким уровнем допуска к государственным секретам США. Содержание публикаций было одновременно захватывающим и чудовищным: американским государством тайно управляет группа сатанистов-педофилов, в которую входят ведущие политики Демократической партии, крупнейшие медиамагнаты и голливудские знаменитости. Дональд Трамп является главным борцом с этой группой, и великое разоблачение, известное как «Буря», неминуемо приближается.

С точки зрения структуры это классическая конспироло-

гическая теория типа «глобальный заговор с конкретным злодеем». С точки зрения распространения это было нечто принципиально новое. «Q» публиковал не готовые утверждения, а зашифрованные «капли» информации — так называемые Q-drops, — требовавшие интерпретации. Это превратило сотни тысяч последователей в активных участников процесса: они расшифровывали послания, строили версии, соревновались в интерпретациях. Теория стала не пассивно потребляемым контентом, а интерактивной игрой с элементами детектива и апокалиптического нарратива.

Психологически это оказалось исключительно эффективным. Человек, вложивший собственные интеллектуальные усилия в расшифровку «капли», эмоционально привязан к полученному выводу несравнимо сильнее, чем тот, кто просто прочитал готовую статью. Чувство причастности к раскрытию тайны, недоступной непосвящённым, создаёт мощную идентичность и столь же мощное сопротивление любым попыткам разубеждения.

К 2020 году QAnon вышел за пределы американских имиджбордов и превратился в глобальное явление. В Германии его адаптировали под местный контекст. В Великобритании элементы этой теории переплелись с антипрививочным движением. В Японии появились собственные интерпретации. Пандемия COVID-19 дала теории мощный импульс: каран-

тины, обязательные маски, вакцины с неизвестным долгосрочным эффектом, беспрецедентные ограничения свободы передвижения — всё это идеально ложилось в нарратив о тайном контроле над человечеством.

Что важно понять о QAnon применительно к нашему разговору: эта теория является одновременно хорошим примером конспирологии в её наименее верифицируемом варианте и симптомом реального кризиса доверия к американским институтам. Конкретные утверждения о сатанистах в Вашингтоне не подкреплены ничем, кроме анонимных публикаций на имиджборде. Но реальное возмущение людей реальным состоянием американской политической системы, питающее эти теории, заслуживает серьёзного разговора, а не снисходительного смеха.

Более того: на фоне QAnon с его очевидной фантастичностью как-то потерялся реальный скандал вокруг Джеффри Эпштейна — финансиста и осуждённого педофила, который действительно имел обширные связи в американской и международной элите, действительно организовывал встречи на своём частном острове для влиятельных людей со всего мира и действительно умер в федеральной тюрьме при обстоятельствах, которые официально квалифицированы как самоубийство, но которые вызывают вопросы у любого человека, знакомого с деталями дела. Список людей, которые

летали на самолётах Эпштейна, стал частично публичным в рамках судебных разбирательств, и он содержал имена, способные потрясти любое воображение. Это не QAnon. Это задокументированная реальность, от которой крайне неудобно отмахнуться ярлыком «конспирология».

Бильдерберг, ВЭФ и архитектура глобального управления

Существует категория организаций, само существование которых ставит конспирологов и их критиков в одинаково неловкое положение. Критики вынуждены признавать, что организации реальны, что их участники реальны и что их влияние на мировую политику реально. Конспирологи вынуждены признавать, что большинство конкретных обвинений в адрес этих организаций не подкреплены доказательствами. Истина, как водится, располагается где-то в пространстве между этими двумя позициями, и именно туда стоит отправиться.

Бильдербергский клуб: самый известный закрытый клуб мира.

В мае 1954 года в нидерландском отеле «Бильдерберг» собрались около восьмидесяти влиятельных людей из Западной Европы и Северной Америки. Политики, банкиры, промышленники, интеллектуалы. Цель, декларированная орга-

низаторами, состояла в укреплении атлантического единства в условиях холодной войны. Встреча прошла за закрытыми дверями, без прессы, без протоколов для публикации, без официальных заявлений по итогам.

С тех пор Бильдербергская группа собирается ежегодно. Состав участников меняется, но принцип остаётся неизменным: около ста пятидесяти человек, представляющих политическую, финансовую, медийную и интеллектуальную элиту западного мира, встречаются в строго охраняемом отеле, обсуждают глобальную повестку и расходятся, не публикуя ни протоколов, ни итоговых документов.

Среди участников разных лет, по сообщениям прессы, были: Генри Киссинджер, Билл Клинтон, Тони Блэр, Ангела Меркель, Джефф Безос, Эрик Шмидт, главы центральных банков, министры финансов ведущих экономик, редакторы крупнейших мировых изданий. Не случайные люди, иными словами.

Официальная позиция организации и её защитников сводится к следующему: Бильдерберг — это неформальный дискуссионный клуб, где влиятельные люди могут откровенно обмениваться мнениями без давления публичности. Никаких решений там не принимается, никакой скрытой повестки нет, закрытость необходима для того, чтобы обес-

печить откровенность дискуссии. Это объяснение не лишено логики. Действительно, публичные люди в публичных форматах говорят иначе, чем в неформальной обстановке, и ценность откровенного разговора без камер понятна. Проблема в другом. Когда люди, определяющие экономическую и политическую повестку десятков государств, встречаются за закрытыми дверями и категорически отказываются сообщать гражданам этих государств, что именно они обсуждают, это не просто вопрос комфорта участников. Это вопрос демократической подотчётности.

Министр финансов демократической страны подотчётен своим гражданам. Когда он едет на закрытую встречу с коллегами из других стран, крупнейшими банкирами и медиамагнатами и отказывается рассказывать о содержании этих разговоров, это создаёт вполне обоснованный вопрос: в чьих интересах он там присутствует? Своих граждан или участников встречи?

Это не конспирология. Это базовый вопрос демократического управления.

Показательна и история с освещением Бильдерберга в прессе. Десятилетиями оно было спорадическим и несистемным. Первые развёрнутые репортажи о Бильдерберговских встречах появились не в New York Times или Guardian,

а в маргинальных изданиях и на альтернативных сайтах. Мейнстримные СМИ начали более или менее регулярно освещать встречи лишь в 2010-х годах, когда игнорировать их стало уже невозможно из-за давления альтернативных медиа и социальных сетей. Это само по себе любопытный факт, заслуживающий осмысления.

Всемирный экономический форум: Давос как зеркало эпохи.

Если Бильдерберг предпочитает тень, то Всемирный экономический форум работает в принципиально иной стратегии: максимальная публичность при минимальной подотчётности. Ежегодные встречи в швейцарском Давосе — это грандиозное медиасобытие с тысячами участников, сотнями панельных дискуссий и широчайшим освещением в прессе. Главы государств, генеральные директора крупнейших корпораций, знаменитости, активисты, нобелевские лауреаты — все они съезжаются в альпийский курорт, чтобы обсудить будущее человечества.

Основатель и бессменный руководитель ВЭФ Клаус Шваб не скрывает амбиций организации. В своей книге «Великая перезагрузка», опубликованной в 2020 году, он прямо описывает пандемию COVID-19 как возможность для фундаментального переустройства глобальной экономики и

общества. Концепция включает переход к так называемому «стейкхолдерскому капитализму», где корпорации несут ответственность не только перед акционерами, но и перед обществом в целом, цифровизацию всех сфер жизни, переосмысление отношений собственности и новые форматы глобального управления.

Фраза «You will own nothing and you will be happy» — «у вас не будет ничего в собственности, и вы будете счастливы» — стала одним из главных конспирологических мемов последних лет. Она часто ассоциируется с идеями ВЭФ, хотя её первоисточник — видео 2016 года для шведского банка, а не прямой слоган самого Форума. ВЭФ впоследствии открестился от этой формулировки, объяснив её вырванностью из контекста. Однако сам контекст — рассуждения о будущем, в котором люди арендуют вещи вместо того чтобы ими владеть, от жилья до автомобилей, — действительно присутствует в официальных материалах организации.

Здесь важно разделить два вопроса, которые в публичной дискуссии постоянно смешиваются. Первый: существует ли ВЭФ и оказывает ли он реальное влияние на глобальную повестку? Ответ очевидно утвердительный. Организация реальна, её участники реальны, её программы реально реализуются в десятках стран. Второй вопрос: является ли ВЭФ тайным правительством мира, сознательно уничтожа-

ющим национальные государства и частную собственность в интересах узкой элиты? Здесь доказательная база значительно скромнее. Но именно между этими двумя вопросами и располагается самая интересная территория. Потому что даже если отвергнуть конспирологическую версию о тайном правительстве, остаётся вполне реальный и вполне тревожный факт: группа людей, не избранных никем и не подотчётных никому, формулирует повестку глобального развития, которая затем реализуется через национальные правительства, международные организации и крупнейшие корпорации. Называть это заговором или нет — вопрос терминологии. Называть это демократией не получится при всём желании.

Трёхсторонняя комиссия и Совет по международным отношениям.

Бильдерберг и ВЭФ наиболее известны широкой публике, однако есть и другие структуры, заслуживающие внимания в этом контексте.

Трёхсторонняя комиссия была основана в 1973 году Дэвидом Рокфеллером, и Збигнев Бжезинский стал одним из её ключевых организаторов и идеологов. Цель — координация политики между тремя крупнейшими экономическими блоками: Северной Америкой, Западной Европой и Японией.

Комиссия объединяла около трёхсот пятидесяти влиятельных частных лиц из этих регионов и работала как неформальный механизм согласования интересов западных элит в условиях меняющегося мирового порядка.

Совет по международным отношениям, основанный в 1921 году в Нью-Йорке, является, пожалуй, наиболее влиятельным из всех подобных структур в плане формирования американской внешней политики. Его члены регулярно занимают ключевые посты в американских администрациях вне зависимости от того, какая партия побеждает на выборах. Совет издаёт журнал *Foreign Affairs*, который традиционно считается главной трибуной американского внешнеполитического истеблишмента.

Все эти структуры объединяет одна общая черта: они существуют в пространстве между публичным и частным, между официальным и неформальным. Они не являются правительствами, но их участники формируют правительственную политику. Они не являются тайными обществами, но их встречи закрыты для прессы и общественности. Они не принимают официальных решений, но консенсус, складывающийся на их встречах, имеет вполне реальные последствия для миллиардов людей, которые никогда не голосовали за их участников и не давали им никаких полномочий. Назвать это заговором — значит, вероятно, упростить реаль-

ность. Но назвать это нормальным функционированием демократических институтов — значит исказить её ещё сильнее.

Почему это важно.

Разговор о Бильдерберге, ВЭФ и подобных структурах важен не потому, что доказывает существование тайного мирового правительства. Он важен потому, что ставит вопрос, который должен занимать центральное место в любом серьёзном политическом дискурсе: кто на самом деле принимает решения, определяющие жизнь миллиардов людей, и перед кем эти люди несут ответственность? Если ответ на этот вопрос неудобен, если он указывает на структуры, не имеющие демократической легитимности, на процессы, скрытые от общественного контроля, и на консенсус, складывающийся за закрытыми дверями, то проблема не в тех, кто задаёт этот вопрос. Проблема в самой реальности, которую этот вопрос описывает.

Конспирология в данном случае является не причиной тревоги, а её симптомом. Люди верят в тайное мировое правительство не потому что они параноики, а потому что реальные механизмы глобального управления достаточно непрозрачны, достаточно элитарны и достаточно далеки от демократического контроля, чтобы питать самые разнообраз-

разные подозрения. И пока эта непрозрачность сохраняется, подозрения будут сохраняться вместе с ней.

Пандемия как конспирологический катализатор

Выбирая одно событие, которое за последние десятилетия сделало больше всего для распространения конспирологического мышления в массах, пандемия COVID-19 будет главным кандидатом. Не потому что она породила конспирологию: она её унаследовала, усилила и вывела на принципиально новый уровень. За три года пандемии конспирологические теории перестали быть уделом маргинальных сообществ и стали частью повседневного политического дискурса в большинстве стран мира. Понять почему — значит понять кое-что важное о природе нашего времени.

Начало: когда вопросы стали преступлением.

В январе 2020 года, когда сообщения о новом вирусе из китайского Уханя только начали появляться в мировых СМИ, реакция официальных структур была примечательной. Всемирная организация здравоохранения поначалу транслировала заверения китайских властей об отсутствии доказательств передачи вируса от человека к человеку. Это утверждение оказалось неверным, и опровергнуто оно было довольно быстро. Но сам факт того, что главная междуна-

родная организация в области здравоохранения в самом начале кризиса воспроизводила официальную позицию государства, имеющего очевидный интерес в минимизации масштабов проблемы, не остался незамеченным.

Затем началась чехарда с рекомендациями. В феврале 2020 года ВОЗ и национальные органы здравоохранения большинства стран рекомендовали маски в основном больным и медицинским работникам, высказывая опасения по поводу их неправильного использования здоровыми людьми. К апрелю позиция изменилась на противоположную — маски стали рекомендоваться всем в общественных местах. Объяснение этого разворота, данное официальными лицами, сводилось к необходимости сохранить запасы для медицинских работников, что задним числом было воспринято значительной частью общественности как введение в заблуждение. Это признание, сделанное как бы вскользь, имело долгосрочные последствия для доверия к официальным рекомендациям по всему спектру пандемических мер.

Происхождение вируса.

Вопрос о происхождении вируса стал, пожалуй, самым показательным примером того, как официальный нарратив формируется и защищается вне зависимости от имеющихся данных. В начале 2020 года гипотеза об утечке из лаборато-

рии Уханьского института вирусологии была объявлена конспирологической и расистской. Ведущие научные журналы публиковали письма с подписями известных учёных, объявлявшие эту гипотезу опровергнутой. Социальные сети удаляли публикации на эту тему как дезинформацию.

Прошло около года, и выяснилось, что среди экспертов нет никакого консенсуса по вопросу происхождения вируса. ФБР выражало мнение о том, что лабораторное происхождение является наиболее вероятной гипотезой, однако среди американских спецслужб единого консенсуса нет. Сенатские расследования обнаружили переписку, свидетельствующую о том, что некоторые из учёных, подписавших то самое письмо об «опровергнутой» лабораторной гипотезе, в частной переписке выражали совершенно иные взгляды. Стало известно, что американские научные организации финансировали исследования в Уханьском институте вирусологии, что создавало очевидный конфликт интересов для тех, кто участвовал в формировании официальной позиции.

Ничего из этого не доказывает, что вирус был создан искусственно или намеренно выпущен. Но всё это вместе взятое доказывает нечто другое: официальный научный и медийный консенсус в самом начале пандемии формировался под влиянием факторов, не имеющих отношения к научной истине. И люди, задававшие неудобные вопросы, были

публично дискредитированы не потому что их вопросы были неправомерны, а потому что ответы на эти вопросы были неудобны.

Вакцины: где заканчивается наука и начинается политика.

Разработка вакцин против COVID-19 в рекордные сроки была, вне всякого сомнения, выдающимся научным достижением. Платформа мРНК, лежащая в основе вакцин Pfizer и Moderna, разрабатывалась десятилетиями и показала свою эффективность в снижении тяжёлых форм заболевания. Это факты, и от них не стоит отмахиваться.

Но параллельно с этими фактами существуют другие, которые официальный нарратив предпочитал не акцентировать. Беспрецедентно короткие сроки клинических испытаний означали, что долгосрочные данные о безопасности в момент массовой вакцинации попросту отсутствовали. Это не злой умысел: в условиях продолжающейся пандемии другого выбора не было. Но это факт, который должен был быть честно сообщён населению, которому предлагали вакцинироваться.

Вместо этого в ряде стран вакцинация стала фактически обязательной: без прививки нельзя было посещать рестораны, театры, спортивные мероприятия, путешествовать, а в

некоторых случаях и работать. Людей, выразивших сомнения в безопасности или необходимости вакцинации, публично клеймили как убийц и угрозу общественному здоровью. Термин «антиваксер» приобрёл коннотации, сравнимые разве что с обвинением в государственной измене.

При этом реальные данные о побочных эффектах постепенно накапливались. Связь вакцин на основе аденовирусного вектора с редкими, но серьёзными случаями тромбоза была признана официально, что привело к ограничению или отзыву ряда препаратов. Появились данные о связи мРНК-вакцин с миокардитом у молодых мужчин, также признанные официально, хотя долгое время оспаривавшиеся. Вопрос о долгосрочных последствиях по-прежнему остаётся открытым просто потому, что времени для получения ответа ещё недостаточно.

Ничего из этого не означает, что вакцины были «чипами для слежки» или инструментом депопуляции, как утверждают наиболее радикальные конспирологи. Но всё это вместе означает, что люди, задававшие вопросы о безопасности препаратов, чья долгосрочная безопасность объективно не была установлена, задавали разумные вопросы. И то, что их за эти вопросы публично третировали, является не торжеством науки, а её дискредитацией.

Локдауны, свободы и новая нормальность.

Отдельного разговора заслуживают меры, принятые правительствами большинства стран в ответ на пандемию. Локдауны, комендантский час, запреты на собрания, закрытие церквей, запрет похорон с родственниками, слежка за соблюдением карантина с помощью цифровых технологий. Всё это беспрецедентные ограничения гражданских свобод, введённые в демократических странах в мирное время.

Часть этих мер была обоснована с эпидемиологической точки зрения. Часть, как показали последующие исследования, не имела доказанной эффективности. Некоторые мета-анализы, опубликованные после завершения острой фазы пандемии, дали неоднозначные результаты: жёсткие локдауны, по всей видимости, замедляли распространение вируса, но их эффективность в снижении общей смертности остаётся предметом дискуссий, поскольку они имели значительные негативные последствия для здоровья населения по другим направлениям: рост онкологических заболеваний из-за отложенной диагностики, рост психических расстройств и смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, зафиксированный в период пандемии и связываемый экспертами в том числе с последствиями локдаунов.

Но важнее эпидемиологических результатов оказались

политические прецеденты. Правительства убедились в том, что в условиях объявленного кризиса возможно введение ограничений, немислимых в нормальное время, и что значительная часть населения эти ограничения примет. Системы цифрового контроля, развёрнутые в ряде стран под предлогом контроля за соблюдением карантина, в некоторых государствах сохранились и после окончания пандемии. Технологии отслеживания и верификации, отработанные на ковидных паспортах, остались в арсенале правительств.

Конспирологи увидели в этом реализацию давно запланированного сценария установления тотального цифрового контроля. Официальная позиция сводится к тому, что всё это были вынужденные временные меры. Где-то между этими двумя версиями располагается тревожный факт: инфраструктура контроля, созданная в 2020–2022 годах, существует и функционирует. И это само по себе является достаточным основанием для серьёзного общественного разговора, который в большинстве стран так и не состоялся.

Что пандемия сделала с конспирологией.

Главный итог пандемии для нашего разговора состоит в следующем. Она создала ситуацию, в которой граница между обоснованным скептицизмом и конспирологическим мышлением оказалась размыта настолько, что её практиче-

ски невозможно было провести в режиме реального времени. Некоторые вопросы, объявленные конспирологическими в 2020 году, оказались вполне правомерными в 2022-м. Некоторые официальные утверждения, представленные как научный консенсус, оказались политически мотивированными упрощениями.

Это имело долгосрочные последствия для доверия к науке, к медицинским институтам, к правительствам и к СМИ. Люди, убедившиеся в том, что их вводили в заблуждение хотя бы по одному вопросу, с большей вероятностью будут скептически относиться к официальным позициям по другим вопросам. Это рационально. Это также создаёт среду, в которой самые фантастические теории находят аудиторию, готовую их выслушать.

Пандемия не создала конспирологию. Но она блестяще продемонстрировала, почему конспирологическое мышление будет оставаться значимой частью общественного дискурса до тех пор, пока институты, претендующие на роль источников истины, не научатся быть честными о пределах собственного знания и о конфликтах интересов, влияющих на их позиции.

Деньги, власть и невидимая рука: финансовые элиты как субъект глобальной политики

Есть тема, которую принято обсуждать либо в академических терминах политической экономии, либо в конспирологических терминах тайного мирового правительства. Между этими двумя форматами зияет огромная пропасть, и именно в этой пропасти располагается наиболее интересная и наименее исследованная территория. Речь идёт о реальном влиянии крупного финансового капитала на политические процессы в глобальном масштабе. Не о рептилоидах и не о масонских ложах, а о вполне конкретных людях, вполне конкретных институтах и вполне конкретных механизмах влияния, которые не являются тайными в строгом смысле слова, но которые также не являются предметом широкого общественного обсуждения.

Центральные банки: государство внутри государства.

Начнём с института, который присутствует в жизни каждого человека ежедневно, но о природе которого большинство людей имеет весьма смутное представление. Центральные банки управляют денежной системой государств: они устанавливают процентные ставки, регулируют денежную массу, выступают кредиторами последней инстанции для коммерческих банков. От их решений зависят ипотечные ставки, курсы валют, доступность кредита для бизнеса и в конечном счёте уровень занятости и благосостояния населе-

ния.

При этом большинство центральных банков устроены таким образом, что их руководство не несёт прямой демократической ответственности перед населением. Федеральная резервная система США, крупнейший и наиболее влиятельный центральный банк мира, сочетает государственные и частные элементы: Совет управляющих является федеральным органом, а двенадцать региональных федеральных резервных банков формально принадлежат банкам-членам. Её руководители назначаются президентом и утверждаются Сенатом, однако в своей операционной деятельности ФРС формально независима от правительства.

Это устройство имеет свою логику: независимость центрального банка от политического давления позволяет проводить более взвешенную денежно-кредитную политику, не подчинённую электоральным циклам. Но оно также означает, что решения, затрагивающие финансовое благополучие сотен миллионов людей, принимаются людьми, которых эти люди не выбирали и которые перед ними не отчитываются.

Когда в 2008 году разразился финансовый кризис, ФРС совместно с Министерством финансов США приняла решение о беспрецедентном спасении крупнейших банков Уолл-стрит за счёт денег налогоплательщиков. Программа по-

мощи проблемным активам, известная как TARP, предусматривала выделение 700 миллиардов долларов. Это решение не выносилось на референдум, не обсуждалось с гражданами и было принято в течение нескольких дней в условиях искусственно созданной атмосферы паники. Банкиры, чья безответственная политика привела к кризису, не только избежали уголовной ответственности, но и получили государственные гарантии своих убытков.

Это не конспирология. Это задокументированная история, которую можно найти в любом серьёзном исследовании финансового кризиса 2008 года. Но когда люди называют произошедшее заговором банкиров против народа, их сложно упрекнуть в паранойе. Потому что произошедшее действительно выглядит именно так, вне зависимости от того, каким термином его обозначать.

Концентрация капитала и феномен BlackRock.

В последние десятилетия мировая финансовая система переживает процесс концентрации капитала, не имеющий прецедентов в истории. Три крупнейших управляющих активами в мире — американские компании BlackRock, Vanguard и State Street — совокупно управляют активами на сумму, превышающую двадцать пять триллионов долларов (по данным на 2024 год). Для сравнения: ВВП США состав-

ляет около двадцати девяти триллионов. Это означает, что три частные компании управляют активами, сопоставимыми по масштабу с крупнейшей экономикой мира.

Что это означает на практике? Эти компании являются крупнейшими или одними из крупнейших акционеров большинства значимых корпораций в мире одновременно. BlackRock является крупным акционером Apple, Microsoft, Amazon, Google, JPMorgan Chase, Bank of America и сотен других компаний. То же самое верно для Vanguard и State Street. Иными словами, конкурирующие между собой корпорации фактически имеют одних и тех же крупнейших владельцев.

Исследователи называют это явление «общим владением» и изучают его последствия для конкуренции. Ряд академических работ показал, что общее владение крупными акционерами снижает стимулы к конкуренции между компаниями в одной отрасли, поскольку конкурентная борьба невыгодна акционеру, владеющему долями во всех конкурирующих компаниях одновременно. Это означает, что концентрация капитала в руках нескольких гигантских управляющих компаний может иметь антиконкурентный эффект в масштабах всей экономики.

Но финансовое влияние — это лишь часть картины.

BlackRock, в частности, играет всё более заметную роль в формировании регуляторной и политической повестки. Компания в разные годы участвовала в программах Федеральной резервной системы и Европейского центрального банка. Её бывшие сотрудники занимают посты в правительственных структурах, а бывшие государственные чиновники переходят на работу в компанию. Этот механизм перетока кадров между регулятором и регулируемым, известный как «вращающаяся дверь», давно описан в академической литературе и давно вызывает обоснованную критику.

Всё это не является тайным. Это происходит открыто, фиксируется в публичных документах и при желании доступно любому желающему. Но именно это делает ситуацию особенно примечательной: система, в которой частные финансовые структуры обладают влиянием, сопоставимым с влиянием национальных правительств, функционирует совершенно открыто, не вызывая ни скандала, ни серьёзной политической дискуссии. Как будто её видимость является лучшей защитой от критики.

Филантропический капитализм: благотворительность как политика.

Ещё один механизм влияния крупного капитала на глобальную повестку, заслуживающий внимательного рассмот-

рения, — это феномен так называемого филантропического капитализма. Крупнейшие состояния мира всё активнее направляются не на личное потребление их владельцев, а на финансирование фондов, реализующих масштабные программы в области здравоохранения, образования, сельского хозяйства и технологий.

Наиболее показательный пример здесь Фонд Билла и Мелинды Гейтс, располагающий активами (эндаументом) порядка пятидесяти миллиардов долларов и являющийся крупнейшим частным фондом в мире. Фонд финансирует программы вакцинации в развивающихся странах, реформы образования, сельскохозяйственные проекты в Африке и исследования в области здравоохранения. Он также является одним из крупнейших частных доноров Всемирной организации здравоохранения, что означает, что частная структура, подотчётная исключительно своим учредителям, оказывает существенное влияние на приоритеты главной международной организации в области здравоохранения.

Во время пандемии фонд оказался в центре конспирологических теорий самого разного калибра. Наиболее радикальные из них обвиняли Гейтса в намеренном создании вируса с целью последующей вакцинации и чипирования населения. Это, разумеется, не подкреплено никакими доказательствами и относится к той категории теорий, которые

дискредитируют сам жанр.

Но за пределами этих крайностей существуют вполне обоснованные вопросы, которые игнорировать значительно сложнее. Имеет ли частное лицо, сколь угодно богатое и сколь угодно благонамеренное, право определять приоритеты здравоохранения для миллиардов людей в развивающихся странах? Является ли корректным, что один из крупнейших частных доноров ВОЗ оказывает влияние на её рекомендации, не неся при этом никакой демократической ответственности? Насколько «филантропия» является действительно бескорыстной, если фонды, финансирующие фармацевтические исследования, одновременно держат пакеты акций фармацевтических компаний, выигрывающих от этих исследований?

Эти вопросы не являются конспирологическими. Они являются вопросами политической экономии и демократического управления. То, что их задают преимущественно конспирологи, является проблемой не вопросов, а мейнстримного дискурса, который уклоняется от их серьёзного рассмотрения.

Деньги и демократия: системное противоречие.

Подводя итог этому разделу, можно сформулировать цен-

тральное противоречие, которое питает конспирологические теории о финансовых элитах. Демократия основана на принципе политического равенства: один человек, один голос. Капитализм основан на принципе экономического неравенства: капитал концентрируется, порождая неравные возможности влияния на политические процессы. Эти два принципа находятся в постоянном напряжении, и история последних десятилетий свидетельствует о том, что второй принцип всё активнее подавляет первый.

Когда крупнейшие финансовые структуры мира консультируют правительства, финансируют политические кампании, владеют медиа и определяют повестку международных организаций, говорить о реальном народном суверенитете становится всё сложнее. Это не заговор в строгом смысле слова, потому что не требует тайного сговора: каждый из участников этой системы действует в рамках существующих правил и в собственных интересах. Но совокупный результат их действий производит эффект, весьма похожий на то, что конспирологи называют управлением миром из тени.

Разница между «системой, структурно выгодной финансовым элитам» и «тайным заговором финансовых элит» с практической точки зрения для рядового гражданина может оказаться не столь значительной, как хотелось бы думать тем, кто настаивает на этом различии.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

Bloom M., Moskalenko S. Pastels and Pedophiles: Inside the Mind of QAnon. — Redwood City: Stanford University Press, 2021. — 256 p. — ISBN 978-1-5036-3029-1. DOI: 10.1515/9781503630611. [академический]

О деле Джеффри Эпштейна: United States v. Epstein, No. 08-CR-279 (S.D. Fla., 2008); United States v. Epstein, No. 19-CR-490 (S.D.N.Y., 2019); материалы судебных разбирательств и расследований. См. также: The Miami Herald, материалы расследования «Perversion of Justice», 2018. [первичный]

Bilderberg Meetings. Официальные материалы Bilderberg Meetings, включая программы встреч и списки участников разных лет. Дополнительно: материалы The Guardian, BBC и Reuters о деятельности группы. [первичный]

Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. — Geneva: World Economic Forum, 2020. — 282 p. — ISBN 978-2-940631-11-7. Русское название встречается как «COVID-19: Великая перезагрузка»; подтверждённое библиографическое описание русского печатного издания с точными реквизитами издательства и переводчика в доступных

каталогах не установлено. [первичный]

О Трёхсторонней комиссии: материалы самой Trilateral Commission, включая официальные документы и публикации организации. Библиографическая запись «Gill W. The Trilateral Commission. — Washington: Institute for Policy Studies, 1989» в указанном виде не подтверждена и требует дополнительной идентификации. [первичный / альтернативный]

Council on Foreign Relations. The Council on Foreign Relations: A Short History. — New York: Council on Foreign Relations, 2021. См. также: Shoup L. H., Minter W. Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. — New York: Monthly Review Press, 1977. — 334 p. — ISBN 0-85345-393-4. [первичный / альтернативный]

О пандемии COVID-19: официальные материалы World Health Organization, 2020–2023; материалы официальных исследований и парламентских комитетов США; публикации в рецензируемых журналах The Lancet, Nature Medicine и Science. Конкретные документы должны соотноситься с соответствующими утверждениями основного текста. [первичный / академический]

Centers for Disease Control and Prevention. Материалы по безопасности вакцин против COVID-19, включая сообщения о миокардите и перикардите после вакцинации мРНК-вакцинами. European Medicines Agency. Safety updates и материалы по редким случаям тромбоза с тромбоцитопенией после применения вакцин AstraZeneca и Janssen, 2021–2023. [первичный]

Систематические обзоры и метаанализы эффективности нефармацевтических вмешательств против COVID-19, опубликованные в рецензируемых медицинских журналах. Исходная ссылка «мета-анализы в The Lancet, 2023» недостаточно конкретна для полноценной библиографической записи и требует идентификации конкретной работы, использованной автором. [академический]

U.S. Department of the Treasury. Troubled Asset Relief Program (TARP): материалы программы и отчёты, 2008–2009. Federal Reserve System: материалы и отчёты о мерах денежно-кредитной политики и стабилизации финансовой системы в период кризиса 2008–2009 годов. [первичный]

BlackRock, Inc. Annual Report 2024. Vanguard. Annual Report 2024. State Street Corporation. Annual Report 2024. Официальные годовые отчёты соответствующих компаний. [первичный]

Fichtner J., Heemskerk E. M., Garcia-Bernardo J. Hidden Power of the Big Three? Passive Index Funds, Re-Concentration of Corporate Ownership, and New Financial Risk // Business and Politics. 2017. Vol. 19, № 2. P. 298–326. DOI: 10.1017/bap.2017.6. [академический]

Bill & Melinda Gates Foundation. Annual reports and financial statements. World Health Organization. Financial reports and information on voluntary contributions and donor funding. [первичный]

Piketty T. Capital in the Twenty-First Century / trans. by A. Goldhammer. — Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014. — 696 p. — ISBN 978-0-674-43000-6. [академический]

ГЛАВА 3

ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ВЛАСТИ

«Власть производит знание... власть и знание непосредственно предполагают друг друга.»

— Мишель Фуко, «Надзирать и наказывать»

Древность без прикрас: власть, тайна и управление толпой

Можно было бы считать конспирологию явлением сугубо современным, порождённым интернетом, глобализацией и кризисом доверия к институтам двадцать первого века. Это заблуждение, хотя и понятное. На самом деле тайные сговоры, скрытое управление и намеренное сокрытие информации от широких масс являются константами человеческой истории, а не её новейшим изобретением. Меняются технологии, меняются масштабы, меняется словарный запас, но базовая механика остаётся неизменной на протяжении тысячелетий.

Чтобы убедиться в этом, достаточно честно посмотреть на то, как была устроена власть в древних обществах. Не через призму школьных учебников с их фараонами, полководцами и великими реформаторами, а через призму реальных механизмов управления, которые эти общества использовали для поддержания порядка, концентрации ресурсов и подавления инакомыслия.

Начнём с фундаментального наблюдения, которое часто остаётся за рамками академических дискуссий о древних цивилизациях. Любое сложное общество, начиная с самых ранних городских культур Месопотамии и заканчивая поздней Римской империей, решало одну и ту же базовую задачу: как заставить большое число людей подчиняться власти неболь-

шой группы? Грубое принуждение работает, но оно дорого и ненадёжно. Армия, которая содержится исключительно страхом, в какой-то момент перестаёт бояться и обращает оружие против своих хозяев. История знает тысячи примеров.

Значительно более надёжным и экономически эффективным инструментом управления является контроль над знанием и над интерпретацией реальности. Если люди убеждены, что существующий порядок вещей установлен богами, что правитель является посредником между миром людей и миром богов, что нарушение иерархии влечёт за собой космические последствия, то необходимость в постоянном физическом принуждении резко снижается. Люди сами охраняют систему, которая их эксплуатирует, потому что искренне верят в её сакральную природу.

Это наблюдение не является оригинальным: его в разных формах высказывали Маркс, Грамши, Фуко и многие другие мыслители. Но для нашего разговора важен следующий шаг: если контроль над знанием является ключевым инструментом власти, то те, кто этим знанием обладает, автоматически становятся важнейшим политическим субъектом. И они, разумеется, делают всё возможное для того, чтобы это знание оставалось их монополией.

Жрецы как первые конспираторы.

В большинстве древних цивилизаций роль хранителей сакрального знания играло жречество. Это не просто религиозный институт в современном понимании слова: жрецы древнего мира совмещали функции теологов, астрономов, врачей, юристов, архивистов и советников правителей. Они знали, когда разливается Нил и когда сеять зерно. Они умели предсказывать затмения, что в глазах непосвящённых выглядело как прямое общение с богами. Они хранили письменные записи, недоступные неграмотному большинству. Они интерпретировали знамения и оракулов, от которых зависели военные и политические решения правителей.

Иными словами, жрецы обладали информационной монополией, которая делала их незаменимыми и наделяла властью, несоразмерной их формальному положению. Фараон мог казнить любого жреца. Но он не мог обойтись без жречества как института, потому что жречество хранило знания, без которых государственная машина не могла функционировать.

Это создавало устойчивый стимул для сокрытия знания. Чем менее доступным было знание, тем более незаменимыми оставались его хранители. Египетские жрецы делили своё учение на экзотерическое, доступное широкой публике, и

эзотерическое, доступное лишь посвящённым. Это разделение не было случайным и не диктовалось исключительно соображениями духовной зрелости учеников. Оно было, в том числе, политическим решением: знание как ресурс власти требует защиты от несанкционированного доступа точно так же, как требует защиты физическое золото.

Мистерии Элевсина в Древней Греции, ритуалы орфических культов, закрытые практики пифагорейских сообществ — везде мы видим одну и ту же модель: тайное знание, доступное избранным, как основа власти и социального влияния. Пифагор, которого принято изображать математиком и философом, был одновременно основателем закрытого религиозно-политического сообщества, члены которого были связаны обетом молчания и имели значительное политическое влияние в городах Великой Греции.

Это не значит, что за каждым древним тайным культом стоял политический заговор в современном смысле слова. Это значит, что граница между сакральным знанием и политической властью в древнем мире была принципиально иной, чем мы привыкли думать. И те, кто контролировал первое, неизбежно оказывали влияние на второе.

Информация как оружие: первые прецеденты.

История древнего мира полна примеров намеренного сокрытия, искажения и уничтожения информации в политических целях. Это не домыслы конспирологов, это задокументированные факты, которые можно найти в любом серьёзном историческом исследовании.

После смерти Хатшепсут её изображения и упоминания были систематически уничтожены по всему Египту. Инициатором этой кампании традиционно считается её преемник Тутмос III, хотя точные мотивы остаются предметом научных дискуссий. Её имя было вырублено из надписей, её статуи разбиты, её картуши заменены именами других фараонов. Официальная история была переписана так, как будто Хатшепсут никогда не существовала. Это один из первых задокументированных примеров того, что сегодня называется «отменой» исторической личности, осуществлённой государством в политических целях.

Египетский фараон Эхнатон, попытавшийся осуществить религиозную революцию и заменить пантеон богов культом единого Атона, после своей смерти подвергся аналогичной участи. Его имя было вычеркнуто из официальных списков фараонов, его столица Ахетатон разрушена, его реформы отменены. После его смерти последовала реставрация традиционного культа, а память о самом фараоне систематически уничтожалась в последующие годы. Связывать эту кам-

панию непосредственно с организованным реваншем жречества Амона можно как историческую интерпретацию, но не как установленный факт.

В Риме применялась практика осуждения памяти неугодных императоров и политических деятелей, которую современные исследователи обозначают термином *damnatio memoriae*: их имена уничтожались в надписях, их изображения переделывались, их упоминания изымались из официальных документов. Это была не просто месть победителя побеждённому. Это была системная операция по переписыванию реальности, осуществлявшаяся государственным аппаратом с вполне конкретными политическими целями.

Александрийская библиотека, крупнейшее хранилище знания древнего мира, была уничтожена. Вопрос о том, кем, когда и с какой целью, до сих пор остаётся предметом споров. Историки называют несколько версий: случайный пожар во время кампании Юлия Цезаря, постепенный упадок в поздний период, уничтожение христианской толпой под руководством епископа Феофила. Вполне вероятно, что все эти версии отражают разные эпизоды длительного процесса. Но примечательно другое: ни одна из дошедших до нас версий не рассматривает уничтожение библиотеки как намеренную политическую операцию по уничтожению альтернативных знаний, хотя именно такая интерпретация заслуживает

как минимум серьёзного рассмотрения.

Торговые сети и тайные союзы.

Помимо жречества, в древнем мире существовал ещё один субъект, располагавший ресурсами и мотивами для организации тайных структур влияния. Это торговые элиты, контролировавшие дальние торговые пути.

Торговля в древнем мире была делом не просто рискованным, но и политически сложным. Купец, везущий товар из Месопотамии в Египет или из Финикии в Карфаген, пересекал территории множества политических образований, каждое из которых могло обложить его пошлиной, конфисковать товар или просто ограбить. Выживание в этой среде требовало разветвлённых сетей контактов, взаимных обязательств и, неизбежно, определённого уровня конспирации.

Карфагеняне, создавшие одну из наиболее разветвлённых торговых сетей древнего мира, были известны своей закрытостью и засекреченностью торговых маршрутов. Геродот сообщает, что карфагенские мореходы намеренно направляли свои корабли на мели или топили их, если чужие суда пытались следовать за ними к неизвестным торговым маршрутам. Монополия на знание пути была монополией на богатство, и её защищали с той же серьёзностью, с какой сегодня

корпорации защищают коммерческую тайну.

Но торговые сети выполняли не только экономическую функцию. Они были каналами распространения информации, технологий и идей через политические границы. Купец, регулярно посещающий десятки городов и дворов, является носителем разведывательной информации, ценность которой трудно переоценить. Нет ничего удивительного в том, что торговые элиты древнего мира нередко выступали и как неформальные дипломаты, и как агенты влияния, и как разведчики одновременно.

Эта многофункциональность торговых сетей и их принципиальная непрозрачность для внешних наблюдателей делали их естественной основой для структур, которые мы сегодня могли бы назвать тайными обществами с политической повесткой. Не в смысле мистических ритуалов и тайных знаний, а в самом прозаическом смысле: группа людей, связанных взаимными обязательствами, располагающих информацией, недоступной окружающим, и использующих эту информацию для достижения общих целей.

Что это говорит нам о природе власти.

Обзор этих примеров позволяет сформулировать несколько выводов, важных для всего дальнейшего разгово-

ра.

Первое: тайные структуры влияния не являются изобретением современности. Они являются постоянным элементом сложных человеческих обществ, поскольку информационная асимметрия является одним из базовых механизмов концентрации власти.

Второе: официальная история, которую мы изучаем в школах и университетах, является в значительной мере историей победителей, намеренно сконструированной для легитимации существующих порядков. Это не означает, что она полностью ложна. Это означает, что она неполна и что её пробелы иногда красноречивее её содержания.

Третье: переписывание истории, сокрытие неудобных фактов и уничтожение альтернативных нарративов являются не исключительными событиями, а систематической практикой власти на протяжении всей известной нам истории. Те, кто сегодня задаёт вопросы о подлинности официальных исторических нарративов, находятся в хорошей компании: эти вопросы задавали лучшие умы каждого поколения.

С этим пониманием можно двигаться дальше, в глубь истории, туда, где следы тайного управления становятся одно-

временно более древними и более захватывающими.

Египет и Месопотамия: колыбель тайного знания

Если искать точку отсчёта для разговора о тайных структурах управления в древней истории, то две цивилизации заслуживают особого внимания прежде всего остального. Египет и Месопотамия не просто являются древнейшими из хорошо изученных цивилизаций. Они являются источниками большинства религиозных, философских и политических концепций, которые в той или иной форме дожили до наших дней. И обе они демонстрируют признаки того, что можно назвать организованным тайным управлением, причём в масштабах, которые официальная историография предпочитает интерпретировать исключительно в религиозных категориях.

Египет: государство как мистерия.

Древний Египет был устроен принципиально иначе, чем большинство других древних государств, и эта иная устроенность заслуживает внимательного рассмотрения. В большинстве древних обществ существовало более или менее чёткое разделение между религиозной и светской властью, даже если это разделение постоянно нарушалось и оспаривалось. В Египте такого разделения не было в принципе. Фа-

раон являлся богом, воплощением Гора при жизни и Осириса после смерти. Государство было одновременно религиозным институтом, экономической организацией и политической структурой, и всё это было неразрывно переплетено в единую систему, ключом к которой служило сакральное знание.

Это знание хранилось и передавалось через систему жреческих школ при крупнейших храмах. Карнак, Гелиополь, Мемфис, Абидос — каждый из этих храмовых комплексов был одновременно религиозным центром, учебным заведением, библиотекой, архивом, астрономической обсерваторией и политическим институтом. Жрецы, прошедшие полный курс обучения, владели знаниями в области астрономии, математики, медицины, химии, архитектуры и того, что мы сегодня назвали бы психологией: искусства воздействия на человеческое сознание через ритуал, символ и образ.

Согласно античной традиции, греческие философы — в частности Пифагор, Платон и Солон — посещали Египет и учились у жрецов. Платон в диалоге «Тимей» вкладывает в уста египетского жреца слова о том, что греки являются детьми по сравнению с египтянами в смысле исторической памяти и накопленного знания. Это не просто литературный приём: традиция свидетельствовала о глубоком уважении греческих мыслителей к египетской мудрости, хотя

историческая достоверность их путешествий остаётся предметом дискуссий.

Что именно хранили египетские жрецы в своих внутренних святилищах? Официальная египтология отвечает на этот вопрос достаточно уклончиво: религиозные тексты, ритуальные инструкции, астрономические таблицы. Это верно, но, вероятно, неполно. Тексты, дошедшие до нас в составе так называемого Герметического корпуса, традиция приписывает Гермесу Трисмегисту, легендарному мудрецу, отождествляемому с египетским богом Тотом. Эти тексты содержат разработанную систему представлений о природе реальности, о строении космоса, о природе человека и о механизмах влияния на материальный мир через духовные практики. Насколько эти тексты действительно восходят к древнеегипетской жреческой традиции, вопрос дискуссионный. Но то, что они отражают реальную традицию тайного знания, существовавшую в эллинистическом Египте, не вызывает сомнений.

Интереснее другое. Египетская жреческая система демонстрирует признаки того, что можно назвать институциональной конспирацией в интересах сохранения власти. Жрецы контролировали оракулов, от которых зависели важнейшие государственные решения, и интерпретировали знамения, что давало им значительное влияние на политику. Они

управляли перераспределением огромных экономических ресурсов через храмовые хозяйства. И они делали всё это, прикрывая реальные механизмы власти завесой сакральной тайны, доступ к которой был жёстко ограничен.

Конфликт фараона Эхнатона с жречеством Амона, о котором уже упоминалось, в этом контексте выглядит иначе, чем просто религиозная реформа. Это была попытка централизации власти и разрушения жреческой монополии на тайное знание. Эхнатон заменил сложный пантеон богов, каждый из которых был связан с конкретным жреческим кланом, единым богом солнечного диска Атоном, культ которого был централизован вокруг персоны самого фараона. Это был прямой удар по экономической и политической власти жречества. Жречество ответило так, как всегда отвечают структуры, лишаящиеся монополии на власть: оно уничтожило реформатора и стёрло его из истории.

Месопотамия: первые бюрократы тайны.

Шумерская и аккадская цивилизации Месопотамии дают нам иную, но не менее показательную картину. Если Египет поражает монолитностью своей теократической системы, то Месопотамия интересна прежде всего тем, что именно здесь впервые в истории возникают институты, которые можно идентифицировать как прообразы современных

структур власти: бюрократия, письменное право, профессиональная армия, система налогообложения и, что особенно важно для нашего разговора, разветвлённые разведывательные сети.

Ассирийские цари содержали разветвлённую систему агентов, которых можно без натяжки назвать профессиональными разведчиками и агентами влияния. Эти люди действовали под прикрытием в иностранных государствах, собирали информацию о политической обстановке, передавали её в центр и при необходимости осуществляли операции влияния: распространяли нужные слухи, подкупали чиновников, устанавливали контакты с потенциальными перебежчиками. Всё это задокументировано в ассирийских архивах, часть которых дошла до нас.

Вавилонское жречество, подобно египетскому, обладало монополией на специализированное знание, прежде всего астрологическое. Вавилонские астрологи на протяжении столетий вели систематические наблюдения за небесными телами и накопили огромный массив данных, позволявший предсказывать астрономические события с поразительной точностью. Это знание было сакральным и засекреченным: предсказание затмений, разливов рек и неурожаев делало жрецов незаменимыми советниками правителей и давало им рычаги влияния, которыми они умело пользовались.

Показательна история с текстами, известными как «Эну-ма Элиш», вавилонским эпосом о сотворении мира, и с эпосом о Гильгамеше. Оба текста содержат элементы, поразительно перекликающиеся с более поздними нарративами, в том числе библейскими. История Всемирного потопа в эпосе о Гильгамеше содержит поразительные параллели с библейской историей Ноя, включая детали конструкции ковчега, продолжительность потопа и историю с птицами, посланными разведать наличие суши. Это сходство было обнаружено в девятнадцатом веке при расшифровке клинописных табличек и вызвало огромный скандал в теологических и академических кругах.

Сходство этих текстов ставит вопросы, на которые официальная историография так и не дала удовлетворительного ответа. Либо библейские авторы были знакомы с месопотамскими текстами и использовали их как источник, либо оба нарратива восходят к некоему общему источнику, более древнему, чем оба. Первая версия принята большинством академических исследователей, хотя и вызывает серьёзные теологические затруднения. Вторая версия открывает значительно более захватывающие возможности: она предполагает существование общей культурной или исторической памяти о реальном катастрофическом событии, которое нашло отражение в мифологических традициях множества на-

родов.

Тайное знание как политический ресурс: обобщение.

Рассматривая египетскую и месопотамскую цивилизации в контексте нашего разговора, можно выделить несколько устойчивых паттернов, которые будут повторяться на протяжении всей дальнейшей истории.

Первый паттерн: монополия на специализированное знание как основа власти. В обеих цивилизациях существовали группы, обладавшие знаниями, недоступными широкой публике, и использовавшие эту монополию для поддержания своего привилегированного положения. Характер знания менялся: астрономия, медицина, право, теология, математика. Но механизм оставался неизменным.

Второй паттерн: институциональное сокрытие информации. Обе цивилизации практиковали систематическое засекречивание знаний, имеющих политическое значение. Это не было личной прихотью отдельных жрецов или чиновников: это была институциональная политика, воспроизводившаяся через поколения.

Третий паттерн: переписывание истории как инструмент власти. Обе цивилизации оставили нам примеры намеренно-

го искажения или уничтожения исторических свидетельств в политических целях. И в обоих случаях эти манипуляции были настолько успешными, что современные историки до сих пор реконструируют реальную картину по крупицам.

Четвёртый паттерн: надгосударственные сети влияния. Торговые, жреческие и дипломатические сети обеих цивилизаций функционировали поверх политических границ, создавая структуры влияния, не совпадающие с официальными политическими институтами. Эти сети были непрозрачными для внешнего наблюдателя и управлялись собственными кодексами и обязательствами.

Все эти паттерны легко узнаваемы в современном мире. Это и есть главный аргумент в пользу того, что конспирология как явление описывает нечто реальное и устойчивое в природе власти, а не является исключительно продуктом параноидального воображения. Власть всегда стремилась к монополии на знание, всегда переписывала историю в собственных интересах и всегда создавала структуры влияния, не совпадающие с официальными институтами. Это было верно пять тысяч лет назад в долинах Нила и Евфрата. Это верно сегодня.

Разница лишь в том, что сегодня у нас есть интернет, через который эти механизмы становятся видимы тем, кто го-

тов смотреть.

Греция и Персия: философия, мистерии и большая игра

Если Египет и Месопотамия дают нам картину тайного знания как инструмента теократической власти, то следующий крупный акт мировой истории разворачивается на значительно более широкой сцене. Греческий мир V–IV веков до нашей эры и противостоящая ему Персидская империя представляют собой первый хорошо задокументированный пример того, что сегодня назвали бы геополитической игрой с использованием тайных структур влияния, информационных операций и скрытого управления политическими процессами в иностранных государствах. И здесь, как выяснится, всё значительно интереснее, чем рассказывают учебники истории.

Греческие мистерии: политика под маской религии.

Начнём с явления, которое официальная историография традиционно помещает в раздел религии и культуры, старательно избегая его политического измерения. Мистериальные культы Древней Греции, прежде всего Элевсинские мистерии, были не просто религиозными практиками. Они были институтами с огромным политическим влиянием, разветвлёнными сетями посвящённых и механизмами приня-

тия решений, невидимыми для непосвящённых.

Элевсинские мистерии, центром которых был город Элевсин неподалёку от Афин, проводились ежегодно на протяжении почти двух тысяч лет — предположительно с микенского периода вплоть до конца четвёртого века нашей эры. Участие в них принимали не только рядовые граждане, но и крупнейшие политические и военные деятели греческого мира. Согласно античной традиции, среди посвящённых называют Перикла, Алкивиада, Цицерона, Марка Аврелия, Адриана. Иными словами, значительная часть политической элиты античного мира была связана общим опытом посвящения, содержание которого было строжайше засекречено.

Что именно происходило на Элевсинских мистериях? Этот вопрос остаётся одним из наиболее интригующих в античной истории. Посвящённые были связаны обетом молчания, нарушение которого каралось смертью. Мы знаем внешнюю сторону: торжественное шествие из Афин в Элевсин, ритуальные омовения, пост, ночные церемонии в Телестерионе, зале посвящения. Мы знаем, что посвящение производило на участников глубочайшее психологическое впечатление: Цицерон писал, что Элевсин дал Афинам нечто более ценное, чем все политические институты, поскольку научил людей жить и умирать без страха.

Современные исследователи, в частности Гордон Уоссон, Альберт Хофманн и Карл Рак в своей совместной работе «Дорога в Элевсин», выдвинули гипотезу о том, что центральным элементом мистерий было употребление психоактивного напитка кикеон, содержавшего алкалоиды спорыньи, близкие по химическому составу к ЛСД. Эта гипотеза вызвала широкий резонанс в научном сообществе, однако остаётся дискуссионной и не является общепринятой.

С политической точки зрения Элевсинские мистерии означали следующее: значительная часть политической элиты греческого и впоследствии римского мира была связана общим трансформирующим опытом, общим обетом молчания и, вероятно, общими обязательствами по отношению к институту мистерий и его хранителям. Это не обязательно означает наличие формального политического заговора. Но это означает существование неформальной сети с общими переживаниями, общими тайнами и взаимными обязательствами — то есть всего того, что составляет основу неформального влияния.

Пифагорейцы: первое задокументированное тайное политическое общество.

Впрочем, Элевсинские мистерии дают нам пример религиозно-политической сети с размытыми контурами, а пифа-

горейское движение представляет собой значительно более чёткий случай организованного тайного общества с явной политической повесткой.

Пифагор, живший в шестом веке до нашей эры, основал в Кротоне, греческой колонии на юге Италии, общину, которая представляла собой нечто среднее между философской школой, религиозным братством и политической организацией. Члены общины жили совместно, соблюдали строгие правила поведения и диеты, изучали математику, музыку и астрономию и были связаны обетом хранить тайны учения.

Политическое измерение пифагорейского движения обычно остаётся в тени его математических и философских достижений. Между тем пифагорейцы на протяжении нескольких поколений оказывали огромное политическое влияние на города Великой Греции. Они занимали ключевые посты в городских советах, формировали законодательство, управляли финансами. Фактически в ряде городов пифагорейцы осуществляли нечто похожее на то, что сегодня назвали бы захватом государства, продвигая своих членов на ключевые позиции и проводя политику в интересах своей организации.

Это вызвало в конечном счёте жестокую реакцию: антипифагорейское восстание в Кротоне привело к разгрому об-

щины и гибели многих её членов. Но показательно само по себе то, что тайное философское общество сумело на протяжении нескольких десятилетий осуществлять реальный политический контроль над рядом греческих городов. Это первый хорошо задокументированный пример того, что можно назвать «государством в государстве»: закрытой организации с собственными правилами, собственной иерархией и собственными политическими целями, действующей внутри официальных политических институтов, но не совпадающей с ними.

Платон, испытавший сильное влияние пифагорейской традиции, разработал политическую философию, в которой управление государством должно принадлежать «философам-царям» — людям, прошедшим специальную интеллектуальную и духовную подготовку. Это, по существу, теоретическое обоснование власти посвящённых над непосвящёнными: идея о том, что знание даёт право на управление и что это право не должно зависеть от согласия управляемых. Трудно не заметить, насколько эта идея перекликается с практикой реальных элитных структур во все эпохи, включая нашу.

Персия: первая глобальная разведывательная сеть.

Пока греческие философы разрабатывали теории идеаль-

ного государства, их восточные соседи решали практические задачи управления крупнейшей империей, которую видел мир к тому моменту. Персидская империя Ахеменидов на пике своего могущества простиралась от Египта и Малой Азии до Индии, объединяя под своей властью десятки народов, говоривших на разных языках и исповадовавших разные религии.

Управление такой империей требовало информационных систем, не имевших прецедента в истории. И персы их создали. Система «царских ушей и царских глаз» — специальных инспекторов и агентов, подотчётных непосредственно царю и наделённых полномочиями контроля над всеми провинциальными чиновниками — была одной из первых в истории профессиональных государственных разведывательных систем. Эти агенты путешествовали по всей империи под различными прикрытиями, собирали информацию о лояльности местных правителей, о настроениях населения, о военном потенциале провинций и передавали её непосредственно в центр, минуя официальные каналы управления.

Параллельно персы активно использовали то, что сегодня называется операциями влияния в иностранных государствах. Греческий мир был разделён на множество враждующих полисов, и персидская дипломатия виртуозно использовала эти противоречия. Персидское золото регулярно

появлялось в греческой политике: оно финансировало политиков, ораторов и военачальников, готовых проводить проперсидскую политику. Это не домыслы: Фукидид и другие греческие историки прямо описывают факты персидского финансирования греческих политических деятелей.

Наиболее показательна история Алкивиада, одного из наиболее ярких и противоречивых политических деятелей Афин. Блестящий полководец и оратор, он последовательно служил Афинам, затем перешёл на сторону Спарты, после — установил контакты с Персией, в конце концов всё же вернулся в Афины. Его карьера представляет собой идеальную иллюстрацию того, как внешние силы могут использовать внутренние противоречия государства через конкретных политических агентов. Был ли Алкивиад персидским агентом влияния? Формально нет. Был ли он инструментом в руках персидской дипломатии на определённых этапах своей карьеры? По всей видимости, да.

Большая игра античности: что стоит за греко-персидскими войнами.

Официальная историография представляет греко-персидские войны как столкновение цивилизаций: свобододолюбивой греческой демократии и деспотичной персидской монархии. Эта нарративная рамка была создана самими гре-

ками и воспроизводилась историками на протяжении двух с половиной тысяч лет. Она не лишена оснований, но она также является в значительной мере пропагандистской конструкцией, скрывающей значительно более сложную картину.

Реальность состояла в том, что многие греческие государства добровольно перешли на сторону Персии, что значительная часть греческих элит поддерживала активные экономические и политические связи с персидским двором, что «греческая свобода» на практике означала свободу одних греков угнетать других, и что победа греческой коалиции при Саламине и Платеях была во многом результатом персидских политических и военных просчётов, а не торжества свободы над деспотизмом.

Важнее другое: греко-персидские войны запустили процессы, результатом которых стал совершенно иной мировой порядок, чем тот, который существовал до них. Возвышение Афин, создание Делосского союза, постепенная концентрация власти и ресурсов в руках афинской элиты — всё это прямые следствия войн, которые официально велись во имя свободы. Кто выиграл от этих процессов? Прежде всего торговая и политическая элита Афин, получившая контроль над разветвлёнными торговыми сетями Эгейского моря. Согласно современным интерпретациям, за патетическими narra-

тивами о свободе и героизме скрывались вполне конкретные экономические и политические интересы, которые в конечном счёте и определили ход событий.

Александр и эллинизм: глобализация как проект.

Завершим этот блок фигурой, которая по праву считается одной из наиболее загадочных в мировой истории. Александр Македонский за тринадцать лет создал империю, простиравшуюся от Греции до Индии, уничтожил Персидскую державу Ахеменидов и запустил процесс культурного синтеза, известный как эллинизм. Официальная историография объясняет это исключительно его военным гением и личными амбициями. Но есть вопросы, на которые такое объяснение отвечает неудовлетворительно.

Александр был учеником Аристотеля, что автоматически включало его в сеть интеллектуальных связей, охватывавшую значительную часть образованной элиты греческого мира. Его мать Олимпиада была известна своей приверженностью орфическим и дионисийским культам, что, вероятно, повлияло на мировоззрение Александра. В Египте он посетил оракул Амона в оазисе Сива, после чего объявил себя сыном Амона-Зевса, то есть использовал египетскую теократическую традицию для легитимации своей власти над египтянами.

Его политика в завоёванных землях отличалась паразитической для завоевателя веротерпимостью и стремлением к культурному синтезу. Он включал персидских аристократов в свою администрацию, поощрял смешанные браки, принимал персидские церемониалы при дворе. Всё это выглядит как сознательная политика создания новой наднациональной элиты, объединённой греческим языком и образованием, но не привязанной к конкретной этнической или религиозной традиции.

Был ли это грандиозный личный проект Александра? Или за ним стояли более широкие интересы тех структур, к которым он принадлежал через своё образование и посвящения? Ответа у нас нет. Но вопрос заслуживает того, чтобы его задать.

Рим: империя как машина управления

Греческий мир дал нам философию власти и первые примеры организованных тайных политических структур. Рим дал нечто принципиально иное: первую в истории полностью разработанную машину управления огромными территориями и разнородным населением. Рим интересен для нашего разговора не столько наличием каких-то особенно таинственных структур, сколько тем, насколько откровенно и си-

стематически римская элита использовала инструменты, которые сегодня мы назвали бы информационными операциями, управлением нарративом и скрытым влиянием на политические процессы. В Риме всё это было поставлено на профессиональную основу и возведено в ранг государственного искусства.

Сенат и невидимое правительство республики.

Римская республика официально управлялась через систему выборных магистратур и Сенат. На практике реальная власть концентрировалась в руках нескольких десятков аристократических семей, контролировавших ключевые институты на протяжении поколений. Это не является тайной: любой учебник по римской истории описывает олигархический характер республиканского управления. Но детали этого управления значительно интереснее, чем принято думать.

Римская аристократия была связана разветвлённой системой личных обязательств, известной как система патрон-клиент. Каждый влиятельный римлянин имел сеть клиентов, обязанных ему политической поддержкой, голосами на выборах и личной лояльностью. Взамен патрон обеспечивал клиентам юридическую защиту, экономическую поддержку и политическое покровительство. Эта система пронизывала всё римское общество сверху донизу и создавала

неформальную структуру власти, параллельную официальным институтам и нередко более реальную, чем они.

Решения, формально принимавшиеся в Сенате или на народном собрании, на самом деле согласовывались заранее через эту систему личных обязательств. Публичные дебаты были в значительной мере театром: реальные переговоры происходили в частных домах, на утренних приёмах, во время совместных обедов. Цицерон в своих письмах, которые не предназначались для публики и поэтому отличаются поразительной откровенностью, даёт нам живую картину этой реальной политики, разительно отличающейся от официальных публичных нарративов.

Это принципиально важное наблюдение: в Риме существовало два уровня политики. Публичный, с речами в Сенате, судебными процессами и триумфальными шествиями, и реальный, с частными переговорами, личными обязательствами и негласными договорённостями. Первый уровень был виден всем. Второй был виден только участникам. Это не заговор в строгом смысле слова, но это система, в которой реальные механизмы принятия решений принципиально непрозрачны для тех, кто находится за её пределами.

Коллегии и первые профессиональные лобби.

Параллельно официальным политическим институтам в Риме существовала разветвлённая система коллегий: профессиональных, религиозных и территориальных объединений, которые выполняли функции, далеко выходящие за рамки их официального назначения. Коллегии организовывали похороны, отправляли религиозные культы, регулировали отношения внутри профессиональных групп. Но они также были важнейшими политическими структурами: через них мобилизовывались голоса на выборах, организовывались демонстрации и беспорядки, распространялась политически значимая информация.

Юлий Цезарь в период своей политической карьеры активно использовал коллегии как инструмент народной мобилизации в противовес сенатской олигархии. Его противники добились временного запрета ряда коллегий именно потому, что прекрасно понимали их политическую функцию. После убийства Цезаря коллегии снова были использованы, на этот раз его сторонниками, для организации народного возмущения против убийц.

Здесь мы видим паттерн, который будет повторяться в истории снова и снова: формально гражданские или религиозные организации используются как инструменты политической мобилизации теми, кто умеет ими управлять. Средневековые гильдии, масонские ложи восемнадцатого века,

профессиональные союзы двадцатого — в каждом случае формально неполитическая организация становится каналом политического влияния. Рим дал нам первую хорошо задокументированную версию этой модели.

Август и изобретение управляемой демократии.

После десятилетий гражданских войн Август Октавиан установил в Риме новый порядок, который принято называть Принципатом. С формальной точки зрения республиканские институты были сохранены: Сенат продолжал заседать, выборы продолжали проводиться, консулы продолжали избираться. Но реальная власть была сосредоточена в руках одного человека, располагавшего контролем над армией, провинциями, финансами и ключевыми религиозными институтами.

Август был гениальным политическим менеджером именно потому, что понимал: открытое уничтожение республиканских форм вызовет сопротивление, а их сохранение при реальной концентрации власти обеспечит стабильность. Республиканские институты превратились в декорацию, за которой скрывалась монархия. Но декорация была тщательно поддерживаемой и политически функциональной: она давала аристократии иллюзию участия во власти и снижала стимулы к оппозиции.

Это изобретение — управляемая демократия с сохранёнными формальными институтами при реальной концентрации власти в иных руках — оказалось настолько эффективным, что воспроизводится до сих пор. Любой внимательный наблюдатель современной политики без труда узнает в нём знакомые черты. Выборы проводятся, парламенты заседают, суды выносят решения. Вопрос о том, кто реально принимает решения и насколько официальные институты отражают реальное распределение власти, остаётся открытым в большинстве современных демократий так же, как он оставался открытым в августовском Риме.

Информационная машина империи.

Римская империя на пике своего могущества управляла территорией от Британии до Месопотамии, от Рейна до Сахары. Поддержание контроля над такими пространствами требовало информационных систем, не имевших аналогов в предшествующей истории.

Cursus publicus, государственная почтовая система, создавала инфраструктуру для быстрой передачи информации по всей империи. Но параллельно с официальными каналами существовали неформальные: торговые сети, путешественники, агенты, которых сегодня называли бы агентами влияния

или резидентами разведки. Римские наместники провинций содержали разветвлённые сети информаторов, докладывавших о настроениях местного населения, о действиях соседних наместников и о любых признаках нелояльности.

Армия выполняла не только военные функции: она была важнейшим инструментом информационного контроля и политической социализации. Солдаты, набранные из разных частей империи, проходили через единую систему обучения, усваивали римские ценности и нормы и после двадцати и более лет службы расселялись по всей империи как носители римской культуры и агенты романизации. Это была грандиозная по масштабам операция культурного программирования, поставленная на системную основу.

Религиозная политика Рима также заслуживает особого внимания. Рим отличался замечательной веротерпимостью по отношению к местным культам завоёванных народов, но эта веротерпимость имела чёткие политические границы. Культы, которые могли стать центрами политической консолидации завоёванного населения, подвергались преследованиям. Друиды в Галлии и Британии подверглись систематическим преследованиям, приведшим к упадку их института, не потому что их религиозные практики были особенно шокирующими, а потому что они были хранителями культурной идентичности и политическими лидерами кельтско-

го населения. Ранние христиане преследовались не за их богословие, а за их отказ участвовать в государственном культе, то есть за политическую нелояльность.

Падение Республики: урок о природе власти.

Период поздней Республики и гражданских войн даёт нам, пожалуй, наиболее поучительный урок о природе власти и о том, как официальные нарративы скрывают реальную борьбу интересов. История противостояния Цезаря и Помпея, Антония и Октавиана традиционно преподносится как столкновение личностей и политических принципов. На самом деле за ней стоит борьба конкурирующих финансовых и политических группировок за контроль над ресурсами разросшейся империи.

Цезарь пользовался поддержкой влиятельных финансовых и деловых кругов, заинтересованных в новых завоеваниях, но оставался самостоятельным политическим игроком со сложной базой поддержки, включавшей народную мобилизацию через систему коллегий. Его убийство было организовано людьми, чьи мотивы включали идеологические, политические и материальные интересы, которым цезарианская политика угрожала. Брут и Кассий представляли сенатскую элиту, но их мотивы были сложнее: Брут действовал во многом из республиканских убеждений, Кассий — из прагмати-

ческих соображений.

Это не умаляет реального величия Цезаря как полководца и политика. Но это помещает его историю в контекст, который официальная историография систематически затушёвывает: контекст борьбы конкурирующих элитных группировок за контроль над государством и его ресурсами. Этот контекст не менее реален, чем официальный нарратив о республиканских идеалах и личных амбициях.

Что Рим говорит нам о нашем времени?

Обзор римской истории сквозь призму нашего разговора позволяет сформулировать несколько выводов, прямо применимых к современности.

Первое наблюдение: формальные демократические институты и реальные механизмы власти могут значительно расходиться. Рим дал первый масштабный пример управляемой демократии, в которой сохранение республиканских форм служило легитимации фактической монархии. Это не исторический курьёз, а устойчивая политическая модель.

Второе наблюдение: неформальные сети личных обязательств, экономических интересов и культурных связей нередко определяют политические решения значительно

сильнее, чем официальные институты. В Риме это была система патрон-клиент. В современном мире это лоббизм, корпоративные советы директоров и элитные клубы. Механизм один и тот же.

Третье наблюдение: религиозная и культурная политика всегда является политикой в буквальном смысле слова. Рим уничтожал друидов и преследовал христиан не только по религиозным причинам, но и исходя из политических и социальных соображений, связанных с контролем над обществом и сохранением порядка. Государство, определяющее, какие религиозные и культурные практики допустимы, а какие нет, осуществляет контроль над идентичностью управляемых, что является одним из наиболее мощных инструментов власти.

Четвёртое наблюдение: официальные исторические нарративы о великих личностях и столкновениях идеалов систематически скрывают реальную борьбу материальных интересов. Это верно для Рима. Это верно для любой другой эпохи. И понимание этого является необходимым условием для честного взгляда на историю, включая историю нашего собственного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999. — 478, [1] с., [12] л. ил. — ISBN 5-93321-010-2. Оригинал: Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. — Paris: Gallimard, 1975. — 318 p. [академический]

Assmann J. The Mind of Egypt: History and Meaning in the Time of the Pharaohs / trans. Andrew Jenkins. — New York: Metropolitan Books, 2002. — 513 p. — ISBN 0-8050-5462-6. [академический]

Tyldesley J. A. Hatchepsut: The Female Pharaoh. — London: Viking, 1996. — 270 p. — ISBN 0-670-85976-1. [академический]

Reeves N. Akhenaten: Egypt's False Prophet. — London: Thames & Hudson, 2001. — 208 p. — ISBN 0-500-05106-2. [академический]

Flower H. I. The Art of Forgetting: Disgrace and Oblivion in Roman Political Culture. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2006. — ISBN 0-8078-3063-1. DOI: 10.5149/9780807877463_flower. [академический]

Canfora L. The Vanished Library: A Wonder of the Ancient

World. — Berkeley: University of California Press, 1990. — 205 p. — ISBN 0-520-07304-5. [академический]

Геродот. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко; ред. пер. Н. А. Мещерский. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. — 600 с. Книга IV. [первичный]

Burkert W. Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1972. — 535 p. — ISBN 0-674-53918-4. [академический]

Briant P. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire / trans. Peter T. Daniels. — Winona Lake: Eisenbrauns, 2002. — 1196 p. — ISBN 1-57506-009-4. [академический]

Фукидид. История. Книги I–VIII. [первичный] Библиографические данные конкретного русского издания и переводчика требуют дополнительного уточнения.

Bosworth A. B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — 352 p. — ISBN 0-521-34320-8. [академический]

Brunt P. A. Social Conflicts in the Roman Republic. — New

York: W. W. Norton, 1971. — 180 p. — ISBN 0-393-00586-0.
[академический]

Цицерон М. Т. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. I. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. — 534 с. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна.
[первичный]

Syme R. The Roman Revolution. — Oxford: Clarendon Press, 1939. — 568 p. — ISBN 0-19-881001-6. [академический]

О *cursus publicus* и римской инфраструктуре: в исходном аппарате указана лишь общая формулировка без конкретно-библиографического источника. Конкретное издание требует уточнения. [академический]

Webster G. Boudica: The British Revolt Against Rome AD 60. — London: B. T. Batsford, 1978. — 152 p. — ISBN 0-7134-1064-7. [академический]

ГЛАВА 4

БОГИ, ЦАРИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«Прошлое никогда не умирает. Оно даже не прошлое.»

— Уильям Фолкнер, «Реквием по монахине» (1951)

Шумер: откуда взялась цивилизация?

Бытует вопрос, который академическая наука предпочитает не задавать слишком громко, хотя он буквально напрашивается при честном взгляде на археологические данные. Вопрос этот звучит так: откуда взялась шумерская цивилизация?

Стандартный ответ, который можно найти в любом учебнике, сводится к следующему: шумерская цивилизация возникла в результате постепенного развития земледельческих культур Плодородного полумесяца. Оседлые общины, накапливая опыт и ресурсы, постепенно усложнялись, порождая города, письменность, право и специализированные ремёсла. Это звучит логично и убедительно, пока не начинаешь смотреть на конкретные факты.

Проблема в том, что шумерская цивилизация появляется в археологической летописи практически внезапно, без убедительного переходного периода. Примерно в четвёртом тысячелетии до нашей эры в Южной Месопотамии возникает городская культура, демонстрирующая сразу весь набор признаков развитой цивилизации: монументальная архитектура, письменность, разработанная система права, сложная

религиозная иерархия, специализированное ремесло, астрономические знания и математика. Это не постепенное накопление: это качественный скачок, не имеющий убедительного объяснения в рамках стандартной модели постепенного развития.

Сами шумеры объясняли своё происхождение совершенно иначе. Согласно их собственным текстам, записанным на глиняных табличках, цивилизацию им принесли существа, которых они называли ануннаками — в их собственных текстах это слово означает «те, кто с небес на землю пришли» или «царственное семя Ана» (бога неба). Эти существа научили людей земледелию, строительству, письменности, математике и законам. Они основали первые города и установили первых царей. Шумерский царский список, один из древнейших дошедших до нас исторических документов, начинается с описания периода, когда «царство было спущено с небес», и перечисляет первых царей, правивших фантастически долгие сроки, измеряемые тысячами лет.

Официальная историография интерпретирует всё это как мифологию: красочные истории, созданные для объяснения непонятных природных явлений и легитимации царской власти. Эта интерпретация вполне законная, но она не является единственно возможной. И именно здесь начинается один из наиболее захватывающих споров в современной

науке о древности. Впрочем, полноценно к этому спору мы вернёмся в отдельной главе, посвящённой ануннакам; здесь достаточно зафиксировать сам факт: шумерские тексты описывают своих учителей цивилизации с поразительной конкретностью, не как абстрактных богов греческого типа, а как существ с именами, функциями и историей.

Клинопись как зеркало утраченной истории

Расшифровка шумерской клинописи в девятнадцатом веке стала одним из величайших интеллектуальных приключений в истории науки. Когда британский ассириолог Джордж Смит в 1872 году обнаружил в табличках из Ниневии историю потопа, практически идентичную библейской, это вызвало настоящий культурный шок. Оказалось, что тексты, считавшиеся уникальным откровением, имеют значительно более древние параллели в месопотамской традиции.

Но история потопа была лишь началом. Чем больше шумерских текстов расшифровывалось и переводилось, тем яснее становилось, что перед нами не просто собрание мифов, а сложная, внутренне последовательная система представлений о природе мира, о происхождении человечества и о роли высших существ в человеческой истории. Система настолько детализированная и последовательная, что трудно объяснить её исключительно поэтическим воображением.

Шумерские тексты описывают ануннаков с поразительной конкретностью. Это не абстрактные боги греческого типа, олицетворяющие природные силы. Это существа с конкретными именами, конкретными функциями, конкретными взаимоотношениями и конкретной историей. Они прилетают на землю, они добывают ресурсы, они создают людей для выполнения работы, они конфликтуют между собой, они принимают политические решения относительно судеб человечества. Язык описания подчёркнуто конкретен и практичен, он разительно отличается от метафорического языка, которым обычно описываются боги в религиозных текстах других культур.

Именно это наблюдение стало отправной точкой для наиболее известной альтернативной интерпретации шумерских текстов, предложенной израильским исследователем Захарией Ситчиным в серии книг, начавшейся с «Двенадцатой планеты» в 1976 году. Ситчин, имевший серьёзную лингвистическую подготовку и десятилетиями работавший с оригиналами клинописных текстов, предложил читать их буквально: ануннаки были реальными существами, прибывшими на Землю из другого места, создавшими человечество путём генетических манипуляций с местными гоминидами и управлявшими им на протяжении тысячелетий. Их описания в текстах — это не метафоры, а реальные технические опи-

сания, неправильно понятые позднейшими переводчиками, интерпретировавшими всё через религиозную призму.

Гипотеза Ситчина вызвала предсказуемую реакцию академического сообщества: полное отвержение с указанием на его лингвистические ошибки и методологические проблемы. Критика его конкретных переводов, безусловно, существует, однако она не затрагивает главного: шумерские тексты действительно описывают ануннаков как существ с конкретными функциями, и объяснение этого факта остаётся открытым вопросом. Полное отвержение его подхода создаёт другую проблему: оно не предлагает убедительного альтернативного объяснения тем аспектам шумерских текстов, которые Ситчин поставил в центр своего анализа. Вопросы остаются даже тогда, когда конкретные ответы Ситчина отвергнуты.

Загадка шумерского знания

Помимо содержания текстов, существует ещё один аспект шумерской цивилизации, который заслуживает самого пристального внимания: уровень их научных знаний. Шумеры демонстрировали познания в области астрономии, математики и географии, которые значительно превосходят то, что можно было бы ожидать от культуры, находящейся на начальном этапе цивилизационного развития.

Шумерская математика была основана на шестидесятеричной системе счисления, следы которой мы до сих пор обнаруживаем в делении часа на шестьдесят минут, минуты на шестьдесят секунд и окружности на триста шестьдесят градусов. Это не случайный выбор: шестидесятеричная система обладает математическими свойствами, делающими её удобной для астрономических вычислений. Откуда шумеры знали об этих свойствах и почему они выбрали именно эту систему, а не более интуитивно очевидную десятичную, официальная историография объяснить затрудняется.

Шумерская астрономия знала пять планет Солнечной системы, видимых невооружённым глазом: Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн. Но шумерские тексты, по утверждению ряда исследователей, содержат также описания объектов, которые при стандартной интерпретации не соответствуют ни одной из известных планет. Ситчин интерпретирует это как свидетельство знания о Нибиру, гипотетической планете с сильно вытянутой орбитой. Академические ассириологи с этим не согласны. Но сам факт наличия астрономических описаний, не укладывающихся в стандартную схему, остаётся дискуссионным.

Шумерские медицинские тексты описывают хирургические процедуры и фармакологические препараты, часть из

которых была верифицирована современной медициной как действительно эффективные. Шумерские правовые кодексы, в частности Кодекс Ур-Намму, предшествующий знаменитому Кодексу Хаммурапи примерно на три с половиной — четыре столетия, демонстрируют разработанность правовых концепций, для развития которых по стандартной модели потребовались бы столетия предшествующего правового опыта. Этого опыта в шумерской летописи не видно.

Всё это создаёт картину цивилизации, знания которой опережают её видимую историю. Либо у шумерской цивилизации была значительно более длинная предыстория, следы которой не сохранились или не найдены. Либо знания были получены из внешнего источника. Либо мы имеем дело с остатками значительно более древней и развитой цивилизации, уничтоженной катастрофой, о которой сами шумеры сохранили память в виде мифа о потопе.

Ни одна из этих версий не является очевидно абсурдной. И ни одна из них не является официально принятой. Это само по себе показательно.

Эриду и первый город

Шумерский царский список называет первым городом, основанным после того, как «царство было спущено с

небес», город Эриду. Археологические раскопки подтвердили, что Эриду действительно является одним из древнейших городских поселений Месопотамии, датируемым примерно пятым тысячелетием до нашей эры. Раскопки обнаружили восемнадцать последовательных слоёв храмового строительства на одном и том же месте, причём каждый следующий храм строился непосредственно поверх предыдущего.

Это непрерывное строительство на одном месте на протяжении тысячелетий свидетельствует о том, что место имело исключительное сакральное значение для шумерцев. Но что делало его столь особенным? Официальная наука отвечает: близость к воде и плодородным землям. Это объяснение практическое, но оно не объясняет, почему именно это место, а не множество других столь же практически удобных мест, было выбрано для непрерывного культового строительства.

Шумерские тексты дают иной ответ: Эриду был местом, где ануннак по имени Энки, владыка мудрости и подземных вод, установил своё первое жилище на Земле. Именно здесь, согласно текстам, были впервые переданы людям основы цивилизации. Город буквально описывается как точка контакта между миром богов и миром людей.

Это мифология, скажет скептик. Разумеется. Но мифо-

логия, привязанная к конкретному месту, подтверждённому археологией как реально древнейший городской центр региона. Это не случайное совпадение, и оно заслуживает размышления.

Между мифом и историей

Завершая первый блок этой главы, важно зафиксировать методологическую позицию, которой мы будем придерживаться в дальнейшем. Шумерские тексты не являются ни буквальной исторической летописью, ни простой мифологией в смысле вымысла. Они являются сложным культурным феноменом, в котором реальные исторические воспоминания, религиозные концепции, политические нарративы и, возможно, искажённые описания реальных событий и реальных существ переплетены настолько тесно, что разделить их крайне сложно.

Это не уникальная ситуация. Гомеровская «Илиада» долгое время считалась чистой мифологией, пока Генрих Шлиман не обнаружил Трою. Библейские описания хеттов считались вымышленными, пока археологи не раскопали хеттскую столицу Хаттусу. Рассказы о минойской цивилизации считались греческим мифом, пока Артур Эванс не начал раскопки Кносса.

Этот исторический опыт учит осторожности в отношении слишком быстрых выводов о том, что является вымыслом, а что нет. Шумерские тексты заслуживают такой же осторожности. И именно с этой осторожностью, без некритического принятия и без высокомерного отвержения, мы будем к ним подходить.

Египет и тайное знание: жрецы, фараоны и скрытая власть

Шумер ставит вопросы о происхождении цивилизации. Египет ставит вопросы о природе власти и о том, что именно скрывалось за фасадом одной из наиболее долговечных и загадочных цивилизаций в истории человечества. Египет просуществовал как единое государство более трёх тысяч лет, что само по себе является феноменом, не имеющим аналогов в мировой истории. Ни одна другая цивилизация не демонстрировала такой устойчивости на протяжении столь длительного времени. Понять причины этой устойчивости значит понять кое-что важное о природе власти вообще.

Система двойного знания.

Египетская цивилизация была устроена по принципу, который можно назвать системой двойного знания. Существовало знание публичное, доступное всем: мифы о богах, ритуалы, моральные предписания, базовые религиозные концеп-

ции. И существовало знание тайное, доступное лишь посвящённым жрецам высших степеней: астрономические вычисления, медицинские техники, математические методы, используемые при строительстве, и то, что египтяне называли «словами силы», то есть техники воздействия на сознание через символ, ритуал и образ.

Это разделение не было случайным. Оно было институционально закреплено и воспроизводилось через систему жреческого образования при крупнейших храмах. Посвящение в высшие степени жреческого знания, судя по позднейшим свидетельствам о египетских мистериях, могло быть длительным и многоэтапным процессом. Однако конкретные утверждения о том, что кандидаты проходили длительную изоляцию, пост, лишение сна и особенно получали психоактивные вещества для вызова изменённых состояний сознания, требуют осторожности: сохранившиеся источники не позволяют считать весь этот набор испытаний установленной практикой древнеегипетского жречества. Подобные описания встречаются преимущественно в поздних свидетельствах о мистериальных культах, причём их связь с реальными обрядами египетских храмов не всегда может быть установлена. Поэтому здесь правильнее говорить не о документально подтверждённой системе таких испытаний, а о реконструкциях, основанных на поздних и косвенных источниках.

Что именно открывалось посвящённым на высших ступенях? Здесь мы неизбежно вступаем на территорию, где достоверная информация крайне скудна именно потому, что носители этого знания хранили его с исключительной тщательностью. Но некоторые выводы можно сделать на основе косвенных свидетельств.

Греческие авторы, прошедшие египетское посвящение или имевшие контакты с посвящёнными, в частности Плутарх, Ямвлих и Прокл, описывают египетское тайное знание как систему, охватывающую природу космоса, природу человеческой души и механизмы взаимодействия между ними. Это не просто религиозная космология в обычном смысле: речь идёт о практическом знании, позволяющем воздействовать на физическую реальность через управление сознанием. Современный читатель может интерпретировать это как развитую психологию и нейрофизиологию, опередившую своё время. Или как нечто совсем иное. В любом случае это знание было реальным, его хранение было институционально организованным, и оно давало его обладателям реальные преимущества.

Гермополь и Гелиополь: конкурирующие центры знания.

Египетское жречество не было монолитным институтом.

Различные храмовые комплексы представляли различные жреческие школы с различными теологическими и, что важнее для нас, политическими позициями. Наиболее влиятельными из них были жреческие центры Гермополя, связанного с культом Тота, бога мудрости и письменности, и Гелиополя, центра культа бога солнца Ра и его позднейших ипостасей.

Гелиопольское жречество было политически наиболее влиятельным на протяжении большей части египетской истории. Именно оно разработало концепцию фараона как сына Ра, то есть теологическое обоснование царской власти, без которого египетская монархия не могла функционировать. Это давало гелиопольским жрецам огромный политический ресурс: они буквально производили легитимность фараонов. Любой правитель, стремившийся к признанию своей власти, нуждался в их поддержке и был вынужден считаться с их интересами.

Это создавало классическую ситуацию взаимозависимости: фараон нуждался в жречестве для легитимации своей власти, жречество нуждалось в фараоне для защиты своих экономических и институциональных интересов. Равновесие между ними было динамическим и постоянно оспариваемым. Периоды, когда жречество усиливалось настолько, что фактически контролировало царскую власть, чередовались с периодами, когда фараоны предпринимали попытки цен-

трализации власти за счёт жреческих привилегий. Реформа Эхнатона была наиболее радикальной из этих попыток и наиболее катастрофической по своим последствиям для реформатора.

Гермопольская традиция, связанная с Тотом, представляет особый интерес, поскольку именно с ней традиционно связывают наиболее эзотерические аспекты египетского знания. Тот в египетской мифологии является изобретателем письменности, хранителем космических законов и посредником между богами и людьми. Его греческий эквивалент Гермес дал имя герметической традиции, которая на протяжении тысячелетий претендовала на хранение египетского тайного знания и оказала огромное влияние на европейскую алхимию, астрологию и эзотерическую философию.

Герметический корпус, собрание текстов, приписываемых Гермесу Трисмегисту, то есть «трижды величайшему Гермесу», был обнаружен и переведён на латынь в пятнадцатом веке и произвёл на европейских гуманистов эффект разорвавшейся бомбы. Козимо Медичи, получив рукопись, приказал прервать перевод Платона, который вёл Марсилио Фичино, и немедленно заняться Гермесом. Это решение патрона флорентийской культуры красноречиво свидетельствует о том, каким статусом пользовалось герметическое знание в эпоху Возрождения.

Карнак и экономика богов.

Переходя от теологии к политической экономии, необходимо сказать несколько слов о том, чем в действительности являлись крупнейшие египетские храмовые комплексы с экономической точки зрения. Карнак, крупнейший из храмовых комплексов Древнего Египта, является одним из крупнейших религиозных архитектурных комплексов древнего мира. Его строительство и расширение продолжались на протяжении примерно двух тысяч лет, и многие фараоны последовательно добавляли к нему новые элементы.

Но Карнак был не только местом отправления культа. Он был крупнейшим экономическим субъектом Египта. Храмовые хозяйства контролировали огромные земельные угодья, стада скота, мастерские и торговые сети. По различным оценкам, в период Нового царства храмовые хозяйства контролировали от двадцати до тридцати процентов обрабатываемых земель Египта. Это сопоставимо с крупнейшими современными корпорациями в соотношении с экономикой страны.

Жречество Амона, доминировавшее в Карнаке, было не просто религиозным институтом. Оно было крупнейшим землевладельцем, крупнейшим работодателем и важнейшим

экономическим игроком египетского государства. Его политическое влияние было прямым следствием этой экономической мощи. В позднем Новом царстве верховный жрец Амона достиг такого могущества, что фактически установил теократическое правление в Верхнем Египте, тогда как светские фараоны правили лишь в Нижнем Египте. Это разделение власти было оформлено де-факто, без официального провозглашения, что делает его особенно показательным примером того, как реальная власть может расходиться с официальными институтами.

Исход: история, миф или похищение тайн?

Историю Исхода знают все, кто хотя бы раз открывал Библию или смотрел голливудские фильмы с Чарлтоном Хестоном в роли Моисея. Евреи в египетском рабстве, десять казней египетских, расступившееся море, сорок лет странствий по пустыне и обретение Земли обетованной. Это один из наиболее мощных нарративов в истории человечества, лежащий в основе трёх мировых религий и оказавший колоссальное влияние на западную цивилизацию в целом.

Есть только одна проблема. С точки зрения археологии и исторической науки Исход в том виде, в котором он описан в Библии, не подтверждается практически ничем.

Что говорит археология?

Египетские источники, исключительно подробно документировавшие всё, что происходило в стране, не содержат ни малейшего упоминания о массовом исходе еврейского народа, о десяти казнях, о гибели египетского войска в Красном море или о длительном пребывании евреев в египетском рабстве в тех масштабах, которые описывает Библия. Это молчание египетских источников само по себе красноречиво: египтяне фиксировали значительно менее масштабные события с поразительной тщательностью.

Археологические раскопки на Синайском полуострове, который евреи согласно библейскому нарративу пересекали в течение сорока лет, не обнаружили следов пребывания большой группы людей в этот период. Израильский археолог Зеев Герцог, один из ведущих специалистов по библейской археологии, в конце 1990-х годов прямо заявил, что после десятилетий интенсивных раскопок израильские археологи вынуждены признать: Исход в библейском масштабе не произошёл. Это заявление вызвало огромный скандал в Израиле, но оно отражает научный консенсус, который большинство академических исследователей разделяют, хотя и предпочитают не озвучивать публично.

Означает ли это, что история Исхода является полным вы-

мыслом? Не обязательно. Большинство серьёзных исследователей склонны считать, что за библейским нарративом стоит реальное историческое ядро, возможно, уход относительно небольшой группы семитских поселенцев из Египта, впоследствии мифологизированный и разросшийся до масштабов народного эпоса. Но это историческое ядро выглядело, по всей видимости, весьма скромно по сравнению с тем, что описывает Книга Исхода.

Это, однако, лишь начало интересного разговора. Потому что если отвлечься от буквального прочтения библейского текста и задаться вопросом о том, что именно могло стоять за историей Моисея и его народа, картина становится значительно более захватывающей.

Моисей и египетское жречество.

Начнём с фигуры самого Моисея. Библейский нарратив представляет его как еврея по рождению, выросшего при египетском дворе и затем вставшего на сторону своего народа. Но внимательное чтение библейского текста выявляет детали, которые плохо укладываются в эту простую схему.

Моисей, согласно Библии, был воспитан при дворе фараона как египетский аристократ. Это означает, что он получил образование, характерное для египетской элиты того време-

ни, то есть прошёл через систему жреческого обучения при одном из крупных храмов. Деяния Апостолов в Новом Завете прямо говорят об этом: Моисей «был научен всей мудрости египетской». Это не проходная фраза: «мудрость египетская» в контексте того времени означала доступ к тому самому тайному знанию, которое жреческие школы хранили с такой тщательностью.

Египетский историк третьего века до нашей эры Манефон, сочинения которого сохранились в пересказах позднейших авторов, описывает историю, которая выглядит как египетская версия Исхода. Согласно Манефону, некий жрец по имени Осарсиф возглавил группу прокажённых и нечистых, которые были изгнаны из Египта. Этот Осарсиф сменил имя на Моисей. Независимо от того, насколько версия Манефона соответствует реальным событиям, она показывает, что египетская традиция помнила об этих событиях иначе, чем еврейская, и что в центре египетской версии стоит не вождь угнетённого народа, а египетский жрец.

Ряд современных исследователей, наиболее известным среди которых является Зигмунд Фрейд в своей последней книге «Моисей и монотеизм», предложили интерпретацию, согласно которой Моисей был египтянином, возможно, жрецом или сторонником религиозной реформы Эхнатона. Фрейд обращает внимание на то, что имя Моисей является

египетским, а не еврейским: оно происходит от египетского корня мосе или мес, означающего «рождённый», и встречается в именах египетских фараонов, например Тутмос или Рамзес. Монотеизм, который Моисей принёс своему народу, поразительно напоминает монотеизм Эхнатона с его единым богом, не терпящим изображений и не имеющим имени.

Если эта версия верна, или хотя бы частично верна, история Исхода приобретает совершенно иное измерение. Это уже не история освобождения угнетённого народа, а история религиозной революции, вынесенной за пределы Египта её носителями после того, как реформа Эхнатона потерпела поражение внутри страны. Тайное знание египетского жречества, трансформированное через опыт монотеистической реформы, уходит из Египта вместе с группой его носителей и становится основой новой религиозной традиции.

Ковчег Завета: артефакт или технология?

В этом контексте особый интерес приобретает описание Ковчега Завета, предмета, который Моисей создал по детальным инструкциям, полученным на горе Синай. Библейское описание Ковчега поразительно конкретно: точные размеры, точный перечень материалов, точные инструкции по изготовлению. Это нетипично для религиозного текста, который обычно оперирует символами и метафорами, а не тех-

ническими спецификациями.

Ковчег описывается как предмет, обладающий физическими свойствами, опасными для непосвящённых. Люди, прикасавшиеся к нему без надлежащей подготовки, погибали. Он производил видимые физические эффекты: свечение, звуки, поражение людей на расстоянии. Его транспортировка требовала строгого соблюдения специальных процедур.

Ряд исследователей, включая инженеров и физиков, обращавшихся к библейскому описанию с технической точки зрения, обратили внимание на то, что описанные свойства Ковчега напоминают свойства высоковольтного конденсатора. Золото, которым был покрыт Ковчег, является проводником. Древесина акации, из которой он был сделан, является диэлектриком. Сухой воздух пустыни мог обеспечивать необходимые условия для накопления статического электричества. Разряды высокого напряжения объясняли бы как летальные эффекты прикосновения без надлежащей подготовки, так и видимые физические эффекты.

Это гипотеза, и она не доказана. Но она показывает, что библейское описание Ковчега содержит достаточно конкретные технические детали, чтобы вызывать вопросы о природе описываемого объекта. И что эти вопросы не являются

конспирологическими: они являются закономерной реакцией на текст, который сам по себе претендует на техническую точность.

Откуда Моисей мог получить знания о подобном устройстве? Если принять версию о его египетском жреческом образовании, ответ напрашивается сам собой. Египетское жречество, как мы уже говорили, хранило знания, уровень которых до сих пор вызывает вопросы у специалистов. Среди этих знаний вполне могли быть и технические знания о свойствах материалов и их взаимодействии, которые в религиозном контексте интерпретировались как магические, но имели вполне практическую природу.

Десять заповедей и египетская этика.

Ещё один аспект истории Моисея, заслуживающий внимания в контексте нашего разговора, — это содержательная связь между моисеевым законом и египетской этической традицией. Десять заповедей, полученных Моисеем на Синае, имеют поразительные параллели с египетской «Книгой мёртвых», точнее с её разделом, известным как «Отрицательная исповедь».

В «Отрицательной исповеди» умерший перечисляет грехи, которых он не совершал, обращаясь к сорока двум су-

дьям загробного мира. Этот список включает запреты на убийство, кражу, ложь, прелюбодеяние, клятвопреступление и ряд других действий, перекликающихся с содержанием десяти заповедей. Параллель настолько очевидна, что ряд исследователей говорит о прямом заимствовании моисеева закона из египетской этической традиции.

Это не обязательно умаляет религиозное значение Десяти заповедей: можно считать, что мудрость, независимо от её непосредственного источника, восходит к единому высшему началу. Но для нашего разговора важно другое: это ещё одно свидетельство того, что история Моисея и Исхода неотделима от египетского культурного и религиозного контекста. Моисей, кем бы он ни был в действительности, принёс своему народу нечто взятое из египетской традиции. Возможно, это и было то самое «тайное знание», о котором говорит заглавие этой главы.

Что было унесено из Египта?

Суммируя всё вышесказанное, можно сформулировать альтернативный нарратив истории Исхода, который не претендует на истину в последней инстанции, но который заслуживает рассмотрения как интеллектуально честная альтернатива буквальному прочтению библейского текста.

За историей Исхода может стоять реальное событие: уход из Египта группы людей, в той или иной мере связанных с традицией египетского тайного знания. Возможно, это были сторонники монотеистической реформы Эхнатона, уцелевшие после её разгрома и жестокой реставрации старого порядка. Возможно, это была группа жрецов, вступивших в конфликт с доминирующим жреческим кланом и вынужденных покинуть страну. Возможно, это было нечто ещё более сложное, чего мы не можем реконструировать по имеющимся данным.

Вместе с собой они унесли знания: астрономические, математические, медицинские, психологические и технические. Эти знания были трансформированы в новый религиозный контекст, утратив часть своего технического содержания и приобретя новое символическое измерение. Монотеизм, который они принесли в Ханаан, стал семенем, из которого выросли три мировые религии, изменившие историю человечества.

Это не доказано. Это не является официальной версией ни одной из религий, причастных к этой истории. Но это интеллектуально честная попытка ответить на вопрос: что именно могло стоять за одной из наиболее влиятельных историй в человеческой культуре? И что именно было унесено из Египта теми, кто эту историю создал?

Аналитический раздел: нити, связывающие Шумер, Египет и Исход

К этому моменту мы рассмотрели три отдельных сюжета: загадочное происхождение шумерской цивилизации, систему тайного знания египетского жречества и альтернативное прочтение истории Исхода. Пришло время посмотреть на эти сюжеты не по отдельности, а вместе, поскольку именно на пересечении этих нарративов обнаруживается нечто, заслуживающее самого пристального внимания.

Первая нить: непрерывность тайного знания.

Наиболее очевидная связь между тремя рассмотренными сюжетами — это идея непрерывной традиции тайного знания, передававшейся через тщательно контролируемые институты на протяжении тысячелетий. Шумерские жрецы хранили астрономическое и математическое знание, источник которого неочевиден. Египетское жречество унаследовало и развило эту традицию, добавив к ней разработанную систему психологических и ритуальных техник. История Моисея, при альтернативном прочтении, выглядит как вынос части этой традиции за пределы Египта в новом религиозном обличье.

Это не просто интеллектуальная игра в поиск параллелей. Это описание реального исторического процесса, который прослеживается через конкретные культурные и текстуальные связи. Шумерские мифологические нарративы обнаруживаются в египетских текстах. Египетские этические концепции обнаруживаются в библейском законодательстве. Египетская космология в трансформированном виде присутствует в ранней еврейской мистике, каббале, которая в свою очередь оказала огромное влияние на европейский эзотеризм.

Совсем не случайные параллели и не универсальные архетипы в юнгианском смысле. Это следы конкретной передачи конкретного знания через конкретные исторические каналы. Каналы эти были намеренно засекречены, что существенно затрудняет их реконструкцию. Но именно эта засекреченность является важнейшим свидетельством того, что речь идёт не о стихийном культурном обмене, а об организованной и контролируемой передаче знания.

Кто контролировал эту передачу? Это вопрос, на который у нас нет прямого ответа. Но мы можем описать институты, через которые эта передача осуществлялась: жреческие школы, мистериальные культы, тайные общества посвящённых. И мы можем наблюдать поразительную устойчивость этих институтов: они воспроизводились на протяжении ты-

сячелетий, переживая смены политических режимов, завоевания и культурные катастрофы. Это свидетельствует о том, что хранение традиции было для её носителей задачей первостепенной важности, которой они были готовы посвящать жизни поколений.

Вторая нить: технологическая загадка.

Вторая нить, связывающая Шумер, Египет и, в меньшей мере, историю Исхода, — это технологический уровень, не соответствующий стандартной модели постепенного цивилизационного развития. Шумер появляется в археологической летописи с уже сформированным набором сложных знаний без убедительной предыстории. Египет демонстрирует артефакты, технологический уровень которых необъясним в рамках известных нам производственных возможностей эпохи. Описание Ковчега Завета содержит технические детали, не укладывающиеся в контекст бронзового века.

Эти три наблюдения можно объяснять по-разному. Стандартное объяснение апеллирует к постепенному накоплению опыта, утраченным промежуточным звеньям в археологической летописи и недооценке возможностей древних мастеров. Это объяснение не является неразумным, но оно становится всё менее убедительным по мере накопления аномальных данных.

Альтернативное объяснение предполагает существование источника знаний и технологий, более древнего или более развитого, чем то, что укладывается в стандартную хронологию цивилизации. Этот источник мог быть допотопной цивилизацией, уничтоженной катастрофой, о которой сохранились воспоминания в мифах о потопе. Мог быть внешним по отношению к человечеству агентом, как бы спорно это ни звучало. Мог быть просто значительно более ранней, чем принято считать, фазой человеческой цивилизации, следы которой уничтожены временем и катастрофами.

Ни одна из этих версий не является доказанной. Но совокупность аномалий достаточно велика, чтобы воспринимать их всерьёз, а не списывать огульно на недостаточную квалификацию тех, кто их фиксирует.

Третья нить: политическая механика тайного знания.

Третья нить, пожалуй, наиболее важная для центральной темы этой книги. Это вопрос о том, как тайное знание функционирует как политический ресурс и что происходит, когда монополия на это знание оспаривается.

История Эхнатона — это история человека, попытавшегося разрушить монополию жречества на тайное знание пу-

тём его радикального упрощения: единый бог, без посредников, без сложных ритуалов, без эзотерических иерархий. Результат: полное уничтожение реформы и стирание реформатора из официальной истории. Это классическая реакция монополии на угрозу её существованию.

История Моисея, при альтернативном прочтении, — это история человека, унёсшего часть монополизированного знания за пределы системы, которая его монополизировала. Результат: создание новой традиции, в которой тайное знание было трансформировано и частично демократизировано, хотя и не полностью: и в иудаизме, и в раннем христианстве, и в исламе немедленно возникают эзотерические течения, претендующие на хранение скрытого измерения учения.

Этот паттерн повторяется снова и снова на протяжении всей истории. Монополия на знание создаётся и защищается. Кто-то пытается её нарушить. Нарушитель либо уничтожается, либо уходит и создаёт альтернативную традицию. Альтернативная традиция со временем сама становится новой монополией. Цикл повторяется.

Это не просто абстрактная схема. Это описание реального механизма, через который знание, а следовательно, и власть, передаются, трансформируются и перераспределяются в че-

ловеческой истории. И понимание этого механизма является ключом к пониманию многих исторических процессов, которые стандартная историография объясняет через личности, идеи или случайности.

Четвёртая нить: кто стоит за кулисами?

Теперь позволим себе вопрос, который академическая историография обычно не задаёт, считая его либо неприличным, либо непродуктивным. Если на протяжении тысячелетий существовала традиция тайного знания, передававшаяся через засекреченные институты и обладавшая огромным политическим весом, то кто именно стоял за этой традицией? Были ли это просто корпорации жрецов, действовавших в собственных институциональных интересах? Или за ними стояло нечто более устойчивое и более организованное?

Шумерские тексты дают один ответ: ануннаки, существа, принёсшие цивилизацию. Египетская традиция указывает на богов, установивших порядок вещей в начале времён и передавших людям знание через избранных посредников. Библейская традиция говорит о Боге, открывающем Себя через пророков и устанавливающим законы через избранный народ.

Все эти версии при всём различии их религиозного со-

держания описывают одну и ту же базовую структуру: существование некоего высшего источника знания и порядка, существование посредников, имеющих привилегированный доступ к этому источнику, и существование широкой массы людей, которыми эти посредники управляют от имени высшего источника.

Этот паттерн настолько универсален и настолько устойчив, что его трудно объяснить исключительно как продукт человеческого воображения. Он может описывать реальную структуру: существование группы или групп, на протяжении тысячелетий поддерживающих преемственность знания и использующих это знание для управления ходом истории.

Мы не можем доказать существование такой группы. Но мы можем зафиксировать, что следы её деятельности или чего-то очень похожего на неё обнаруживаются в самых разных точках истории, соединяются в узнаваемые паттерны и указывают на степень организации и преемственности, которую трудно объяснить случайным стечением обстоятельств.

Что это означает для дальнейшего разговора.

Четвёртая глава открывает перспективу, которая будет разворачиваться на протяжении всей остальной книги. Мы начали с современной конспирологии и её психологии. Мы

прошли через историю тайных структур власти в античности. Теперь мы заглянули в глубину тысячелетий и обнаружили там следы того же самого паттерна: тайное знание как основа власти, засекреченные институты как механизм его передачи, конфликты вокруг монополии на это знание как двигатель исторических процессов.

Следующий шаг нашего разговора потребует ещё большей интеллектуальной смелости. Потому что мы будем говорить о человеке, чья история является, по всей видимости, наиболее мощным конспирологическим нарративом в истории человечества, хотя сам этот человек едва ли мог предположить, что его история будет восприниматься именно так, — об Иисусе Христе: о том, кем он был, в чьих интересах действовал и что произошло с его учением после его смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

Smith G. The Chaldean Account of the Deluge // Transactions of the Society of Biblical Archaeology. 1873. Vol. II. P. 213–234. Доклад был прочитан Джорджем Смитом 3 декабря 1872 года в Society of Biblical Archaeology в Лондоне. [первичный] См. также: Smith G. The Chaldean Account of Genesis. — London: S. Low, Marston, Searle, and Rivington, 1876. — 319 p.; Damrosch D. The Buried Book: The Loss and Rediscovery of the Great Epic of Gilgamesh. — New York:

Henry Holt, 2007. [академический]

Kramer S. N. The Sumerians: Their History, Culture, and Character. — Chicago: University of Chicago Press, 1963. — xiv, 355 p. — ISBN 0-226-45238-7. [академический]

Safar F., Lloyd S. Eridu. — Baghdad: Republic of Iraq, Ministry of Culture and Information, State Organization of Antiquities and Heritage, 1981. [академический / археологический отчёт]

Pritchard J. B., ed. Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. 3rd ed. with Supplement. — Princeton: Princeton University Press, 1969. P. 265–266. [академический источник первичного материала]

Ситчин З. Двенадцатая планета. — М.: Эксмо, 2004. Оригинал: Sitchin Z. The Twelfth Planet. — New York: Stein and Day, 1976. [альтернативный]

Rochberg F. The Heavenly Writing: Divination, Horoscopy, and Astronomy in Mesopotamian Culture. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 360 p. — ISBN 0-521-83010-9. DOI: 10.1017/CBO9780511617409. [академический]

Finkelstein J. J. The Laws of Ur-Nammu // Journal of Cuneiform Studies. 1968–1969. Vol. 22, № 3–4. P. 66–82. DOI: 10.2307/1359121. [академический источник первичного материала]

Манефон. Египетская история. Сохранившиеся фрагменты / пер. и изд. Waddell W. G. Manetho. — Cambridge, MA: Harvard University Press; London: William Heinemann, 1940. — 256 p. — ISBN 0-674-99385-3. — Loeb Classical Library, vol. 350. [первичный материал в научном издании]

Фрейд З. Моисей и монотеизм. Оригинал: Freud S. Der Mann Moses und die monotheistische Religion. — Amsterdam: Allert de Lange, 1939. [авторская интерпретация / историко-психоаналитическая гипотеза]

О Ковчеге Завета с технической точки зрения см.: Sanderson I. T. The Electric Ark of the Covenant // Pursuit. 1968. Точные библиографические реквизиты публикации требуют дополнительного уточнения. См. также: Boulay R. A. Flying Serpents and Dragons: The Story of Mankind's Reptilian Past. — Clearwater, FL: The Book Tree / Galaxy Books, 1990. Критика альтернативных интерпретаций: Wilson C. Crash Go the Chariots: An Alternative to «Chariots of the Gods?». — New York: Lancer Books, 1972. Представленные здесь технические интерпретации не явля-

ются общепринятыми в библеистике и рассматриваются как альтернативные гипотезы. [альтернативный]

Budge E. A. W. The Book of the Dead: The Chapters of Coming Forth by Day. — London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co.; British Museum, 1898. [академическое издание первичного материала]

Fowden G. The Egyptian Hermes: A Historical Approach to the Late Pagan Mind. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986. — 260 p. — ISBN 0-521-32564-5. [академический]

Blyth E. Karnak: Evolution of a Temple. — London: Routledge, 2006. — 288 p. — ISBN 978-0-415-40487-7. [академический]

О системе патрон-клиент в Римской республике и империи: исходная ссылка сформулирована слишком обще и не содержит конкретного библиографического источника. Требуется уточнения. [академический]

ГЛАВА 5

ИИСУС ХРИСТОС: ЧЕЛОВЕК, ПРОРОК ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН?

«Революция испаряется, и остаётся лишь грязь новой бюрократии.»

— по мысли Франца Кафки

Проблема исторического Иисуса

Прежде чем начать этот разговор, необходимо сделать одну оговорку. Эта глава не является атакой на христианскую веру и не претендует на опровержение религиозного измерения личности Иисуса Христа. Вопрос о том, был ли Иисус Сыном Божьим в теологическом смысле, находится за пределами того, что историческая наука способна верифицировать в принципе. Этот вопрос остаётся делом личной веры каждого читателя, и автор не намерен на него посягать.

Но есть другой вопрос, вполне доступный историческому анализу. Кем был Иисус из Назарета как исторический персонаж? В каком политическом, религиозном и социальном контексте он действовал? Чьи интересы выражало его учение и чьим интересам оно угрожало? Что произошло с этим учением после его смерти и в чьих руках оно оказалось? Это законные исторические вопросы, и они заслуживают честных ответов, не скованных ни религиозным догматизмом, ни воинствующим атеизмом.

Начнём с фундаментального факта, который большинство людей не осознаёт в полной мере: историческая документация жизни Иисуса исключительно скудна. Единственными подробными источниками являются четыре канонических Евангелия, написанных спустя несколько десятилетий после описываемых событий людьми, которые лично Иисуса не знали и опирались на устную традицию и более ранние письменные источники, большинство из которых до нас не дошло. Нехристианские источники того времени упоминают Иисуса крайне скупо: знаменитый отрывок из Иосифа Флавия, по общему признанию большинства историков, является позднейшей вставкой христианских переписчиков (даже если у него было «нейтральное» ядро), а упоминания у Тацита и Светония касаются христиан как группы, а не Иисуса как личности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.